РУСКАЯ ИСТОРІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СЪ КАРТИНКАМИ.

Соч. С. Любецкаго.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Древняя исторія.

МОСКВА.
въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1850.

Л. Л.

30 Августа 1851. Москва.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ДЛЯ ДѢТЕЙ,

СЪ КАРТИНКАМИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

Соч. С. Любецкаго.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Января 2 дня 1846 года.

Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

Двора Его Императорскаго Величества Камергеру, Статскому Совѣтнику и Кавалеру, Попечителю Московскаго Сиротскаго Дома

КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ ДМИТРІЕВИЧУ

ЛЬВОВУ.

Усерднѣйшее посвященіе

отъ Автора.

ХРОНОЛОГІЯ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Появленіе Славянъ на театръ исторіи—начало VI столѣтія.	года.
Основаніе Русскаго Государства.	862.
Начало Христіанства въ Кіевѣ.	866.
Перенесеніе столицы изъ Новгорода въ Кіевъ	883.
Крещеніе Ольги.	955.
Первое раздѣленіе Россіи на удѣлы	970.
Крещеніе Россіи.	988.
Смерть Ярослава	1054.
Владиміръ Мономахъ.	съ 1113—1125.
Перенесеніе столицы изъ Кіева во Владиміръ Андреемъ Боголюбскимъ.	1169.
Первое появленіе Татаръ	1224.
Покореніе Руси Монголами	1238.
Александръ Невскій	1252.
Перенесеніе столицы изъ Владиміра въ Москву Іоанномъ Калитою	1328.
Куликовская битва.	1380.
Послѣднее междоусобіе въ Россіи.	1453.

НАРОДЫ, СОСТАВИВШІЕ РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Могущественное и славное наше отечество Россія, такъ обширно раскинувшееся въ трехъ частяхъ свѣта, въ началѣ существованія своего занимало ту часть Сѣверовосточной Европы, которая, въ древности, была извѣстна подъ именемъ *Скиѳіи и Сарматіи.* Предки наши — Славяне, упоминаются въ Исторіи въ концѣ V вѣка по Рож. Хрис. Ихъ называли Скиѳами и Сарматами.

Повѣствуютъ, что Славяне составляли часть дикихъ полчищъ страшнаго завоевателя, предводителя Гунновъ, Аттилы, грабили и опустошали Восточную Римскую Имперію, и по смерти Аттилы, продолжали свои грабежи. Когда же появились для нихъ враги, съ Юга Хазары, а съ Сѣвера Варяги, они ушли на прежнее свое жилище и подались къ Сѣверу.

Славяне, поселившіеся въ Германіи, на прим. въ Силезіи, Моравіи, Богеміи, Помераніи, подпали подъ чуждую власть; а тѣ, которые жили въ нынѣшней Польшѣ и Россіи, сохранили свою независимость, и составляютъ господствующій народъ величайшей во всемъ свѣтѣ Имперіи. Славянскія племена, вошедшія въ составъ Россіи, были *Поляне*, получившіе названіе отъ чистыхъ полей страны своей, *Лутичи* и *Тиверцы* по рѣкамъ Днѣстру и Пруту, *Древляне* (отъ слова древо, потому, что жили въ лѣсахъ на Волыни), *Хорваты* въ окрестностяхъ Карпатскихъ горъ, *Радимичи*, *Вятичи*, *Дулебы*, *Бужане*, *Сѣверяне*, *Дреговичи*, *Кривичи*, *Полочане*, и собственно такъ называемые Славяне на берегахъ озера Ильменя.

На Сѣверъ на Сѣверовостокъ и на Сѣверозападъ отъ Славянъ жили народы Финскаго и Латышскаго племени, извѣстные подъ различными именами—Пруссы, Литва, Мещера, Черемиса, Мурома, Ливь, Весь, Пермь, Югра, Печора, Мордва, Чудь. Къ Югу и Юговостоку отъ Славянъ, жили народы Турецкаго племени: Хазары (образованнѣе другихъ) Болгары, Печенѣги, большею частію, дикари.

Въ Скандинавіи, нынѣшней Швеціи, Норвегіи и части Даніи, жилъ особенно замѣчательный народъ,—Скандинавы, *Норманны* (Сѣверные люди). Этотъ-то народъ, полагаютъ, называется въ Русскихъ лѣтописяхъ *Варягами*. Они были соплеменны Готѳамъ, Германцамъ, жили въ странѣ холодной, суровой, бѣдной дарами природы, были сильны, крѣпки, храбры. У нихъ было много желѣза, изъ котораго ковали они себѣ оружіе, а за добычею серебра и золота пускались въ далекія страны.

Отъ нихъ трепетала вся западная Европа; еще со времени Карла Великаго, они грабили и заселяли Францію, Англію, Италію и наконецъ, какъ увидимъ ниже, Россію. Есть признаки, что они, за 500 лѣтъ прежде Колумба, пробрались въ Америку.

БЫТЪ СЛАВЯНЪ.

Въ IX столѣтіи по Рож. Христ. Славяне составляли гражданскія общества; у нихъ были города: Кіевъ, Смоленскъ, Черниговъ, Полоцкъ, Ладога, Новгородъ и другіе. Правленіе у нихъ было патріархальное, они повиновались старѣйшинамъ, почетнѣйшимъ людямъ; въ послѣдствіи времени образовалась аристократія. Бояринъ, Князь, Воевода, Панъ и пр., были названія властителей и правителей. Кромѣ хлѣбопашества, они только выдѣлывали изъ глины необходимую посуду, выковывали оружіе, грубо вырѣзывали изъ дерева истукановъ. Вѣра Славянъ была языческая, они поклонялись идоламъ или кумирамъ. Главные изъ нихъ: *Перунъ*-громовержецъ-міроправитель, *Бѣлбогъ* (богъ добра), *Чернобогъ* (богъ зла), *Волосъ* (покровитель стадъ), Славянскій Фебъ *Свѣтовидъ* (оракулъ-предсказатель),

Ладо (богъ любви и удовольствія); имя его слышно и донынѣ въ припѣвахъ Славянскихъ пѣсенъ: *дидъ-Ладо* т. е. *великій-Ладо*; *Купало* (богъ земныхъ плодовъ), отъ этого имени происходитъ названіе Св. Агрипины купальницею; *Коляда* (богъ торжества и мира) отсюда происходитъ и колядованье, т. е. величанье, которымъ сопровождаются донынѣ Святки въ Малороссіи. Это всё остатки язычества, также какъ раздольныя святочныя игрища, праздникъ Семикъ, и пр. По суевѣрнымъ преданіямъ были и полубоги, лѣшіе, русалки, кикиморы и пр. Главныя празднества Славянъ совершались по собраніи хлѣба. Еще замѣчательный былъ у нихъ *праздникъ мертвыхъ* (въ честь усопшихъ) 1-го Марта. Славяне совершали тризны свои (поминки) съ игрищами, чтобъ не бояться смерти въ битвахъ. Подъ звуки волынки, гудка и дудки плясали Славяне, при торжественныхъ совершеніяхъ обрядовъ своей вѣры. Славянки замужнія сожигались вмѣстѣ съ трупами умершихъ мужей своихъ—варварскій обычай, который уничтожила Христіанская религія, и который, до сихъ поръ, Англія не можетъ истребить въ Индіи.

По свидѣтельству Византійскихъ (Греческихъ) Историковъ, Славяне были особенно быстры въ нападеніяхъ, ловко сражались въ ущельяхъ; они даже умѣли таиться въ водѣ, дышали тамъ посредствомъ сквознаго тростника, выставляя конецъ его на поверхность воды.

Языкъ Славянскій сохранился въ церковныхъ книгахъ. Славяне, какъ и всѣ вообще жители полуночныхъ странъ, были крѣпче южныхъ народовъ, статны, красивы; волосомъ, большею частію, свѣтлорусы; долговѣчны, храбры, цѣломудренны, гостепріимны.

ОСНОВАНІЕ РОССІИ.

Славяне жили немирно между собою. Есть преданіе, что Новгородскій старѣйшина, по имени *Гостомыслъ*, котораго жители Новгорода очень уважали, чувствуя приближеніе конца жизни своей, завѣщалъ соотечественникамъ, чтобъ они, для водворенія спокойствія и тишины, учредили у себя правленіе монархическое, и указалъ имъ на сосѣдей — Варяговъ, изъ которыхъ они могли выбрать себѣ властителей. Новгородцы, окружая смертный одръ Гостомысла, клятвенно обѣщались исполнить завѣщаніе его. Послѣ кончины Гостомысла, Ильменскіе Славяне, Весь, Меря, Кривичи отправили пословъ за море къ Варяго-Руссамъ: «*Земля у* «*насъ велика и обильна*» говорили послы, бивъ челомъ Варяжскимъ Князьямъ, «*но порядка у насъ нѣтъ, идите властвовать надъ нами*». Изъ

Варяжскихъ Князей выбралися три брата, и каждый, съ своею дружиною, отправился въ Славянскія земли. То были: *Рурикъ*, или Рюрикъ, (старшій братъ), *Синеусъ* или Синавъ, и *Труворъ*; первый прибылъ, въ 862 году, сперва въ Ладогу, потомъ въ Новгородъ и поселился въ немъ; второй прибылъ на Бѣло озеро (въ область Финскаго народа); а третій въ Изборскъ (въ область Кривичей).

Такимъ образомъ основалось Государство, и, по имени Варяго-Руссовъ, назвалось Русью.

Полагаютъ еще, что эти Варяжскіе Князья силою завладѣли Славянскими землями, и Рурикъ, прибывъ къ озеру Ильменю, срубилъ (т. е. выстроилъ) себѣ городокъ и назвалъ его Новымъ (Новгородъ).

ПРИБЫТІЕ РЮРИКА ВЪ НОВГОРОДЪ.

Рюрикъ и его современники.

Чрезъ два года по прибытіи Варяго-Русскихъ Князей въ наше отечество, *Синеусъ* и *Труворъ* умерли. Рюрикъ присоединилъ владѣнія ихъ къ Новгородскому Княжеству. — Есть преданіе, что какой-то *Вадимъ*, Новгородской житель, хотѣлъ избавиться отъ владычества Рюрика и возмутилъ противъ него Новогородцевъ; но Рюрикъ убилъ его, и бунтъ уничтожился.

Въ то же время сподвижники Рюрика, единоземцы его, *Аскольдъ* и *Диръ*, можетъ быть, недовольные Рюрикомъ, а можетъ быть, и съ его согласія, отправились на Югъ, отыскивать себѣ добычи. Алчность къ золоту влекла ихъ въ богатую Грецію. Аскольдъ и Диръ, направляясь на

Югъ, встрѣтили, на пути своемъ, маленькій городокъ — то былъ Кіевъ, платившій дань Хазарамъ. Варяжскіе удальцы завладѣли имъ, и собравъ себѣ тамъ войско, и вызвавъ изъ Новгорода охотниковъ Варяговъ, пошли войною на Грецію.

Царственную Столицу Греціи, по ея славѣ, богатству и великолѣпію, Славяне прозвали *Царемъ-Городовъ*, Царь-Градомъ. Но Греція, нѣкогда могущественная, въ то время была уже безсильна; ее со всѣхъ сторонъ окружали варвары: Булгары, Печенеги и пр. и она оборонялась отъ нихъ не оружіемъ, а золотомъ, хитростію и *грегескимъ огнемъ*. Это былъ какой-то горючій составъ, (вѣроятно въ родѣ нынѣшняго пороха), которымъ наполняли длинныя трубки. Вспыхнувъ, этотъ составъ вылеталъ изъ трубокъ, и, такъ сильно горѣлъ, что его и водою затушить было невозможно. Онъ изобрѣтенъ былъ въ VII вѣкѣ по Рож. Хрістовѣ. Этой обороны страшились варвары, какъ небесной молніи и съ ужасомъ бѣжали отъ нее. Тайна составленія греческаго огня осталась неизвѣстною.

Аскольдъ и Диръ, съ храброю дружиною, пустились по Днѣпру на

ладьяхъ, выплыли въ Черное море, достигли до Царьграда и облегли его съ моря.

Греки, увидѣвъ враговъ своихъ, въ первый разъ съ ужасомъ произнесли имя *Руссъ!*...

Защищаться изнеможенные Греки и не думали; они спѣшили только затворить ворота Царьграда. Тогда патріархъ Фотій, съ усердною мольбою вынесъ изъ храма ризу Богоматери и погрузилъ ее въ море; вдругъ поднялась буря, море страшно закипѣло волнами, утлыя ладьи Руссовъ разбросало, и Аскольдъ и Диръ спаслись только съ малымъ остаткомъ силъ своихъ.

Есть преданіе, что по этому случаю сочинена была тогда благодарственная пѣснь Богородицѣ: *Взбранной Воеводѣ побѣдительная.* Еще повѣствуютъ, что нѣкоторые Руссы, устрашенные небеснымъ наказаніемъ, просили Грековъ принять ихъ въ нѣдра святой Церкви; Греки отправили въ Кіевъ славянскую азбуку, названную Кирилловскою, по имени изобрѣтателя оной, *святаго Кирилла*, и переведенное на Славянскій языкъ Св.

Писаніе. Аскольдъ и Диръ, узнавши содержаніе его, пришли въ восторгъ, и окрестились. Вскорѣ была сооружена въ Кіевѣ первая христіанская церковь во имя святаго пророка *Иліи*.

Аскольдъ и Диръ спокойно обладали Кіевомъ, и такимъ образомъ въ Россіи основались двѣ варяжскія державы: Рюрика на Сѣверѣ; Аскольда и Дира на Югѣ.

Рюрикъ княжилъ 17 лѣтъ; послѣ него остался сынъ Игорь; но за малолѣтствомъ его правилъ, Сѣверною Русскою державою, родственникъ Рюрика *Олегъ*.

ОЛЕГЪ ПРАВИТЕЛЬ.

Олегъ былъ князь хитрый, умный, отважный. Онъ собралъ изъ Варяговъ и Новгородцевъ сильную дружину, пошелъ на Кривичей, и отнялъ у нихъ Смоленскъ; потомъ завоевалъ Любичь. Послѣ прибылъ къ Кіеву, спряталъ воиновъ своихъ въ ладьяхъ, а самъ, взявъ юнаго Игоря и небольшую свиту, явился въ пригородьѣ и послалъ звать къ себѣ Аскольда и Дира на свиданіе, назвавшись землякомъ ихъ, Варяжскимъ *гостемъ* т. е. купцомъ; Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая ничего, пришли къ нему. Тогда грозный Олегъ, поднявъ на руки Игоря, воскликнулъ: *вы не князья, вотъ законный князь вашъ!* Воины Олега окружили и убили Аскольда и Дира. Кіевляне устрашились новыхъ пришельцевъ, Олегъ торжественно вошелъ въ городъ и назвалъ его *Матерію Русскихъ городовъ*, т. е. столицею Руси.

Олегъ остался въ Кіевѣ; сѣверныя области отдалъ онъ въ управленіе Посадникамъ. Около 11-ти лѣтъ правилъ Олегъ вь Кіевѣ, и въ продолженіе этого времени покорилъ себѣ нѣсколько Славянскихъ племенъ: Сѣверянъ, и свирѣпыхъ Древлянъ. Игорь подросъ; но Олегъ не далъ ему воли править княжествомъ. Впрочемъ это не нарушало ихъ добраго согласія. Повѣствуютъ, что Олегъ выбралъ питомцу своему невѣсту, уроженку Псковскую, и въ честь имени Олега, она назвалась Ольгою; но есть и другое преданіе, будто Игорь, охотясь въ Веси, встрѣтилъ нечаянно Ольгу, полюбилъ ее и женился на ней,

Грековъ въ то время безпокоили близкіе сосѣди ихъ Болгары, противъ которыхъ они вызвали Угровъ (Азіатскихъ пришельцевъ, до того поселившихся на берегахъ рѣки Дона). Угры, отбиваясь отъ Хозаровъ, Половцевъ и Печенѣговъ, съ радостію начали переселяться къ Западу, они прошли мимо Кіева, не тронувъ его и основали на берегахъ Дуная Венгерское Государство. Болгары отражали ихъ нападенія и продолжали угрожать Грекамъ. Императоръ Левъ, по прозванію Философъ, былъ

умный астрологъ, но не воинственный Государь. Олегъ поднялся на Грецію. Онъ построилъ до 2000 легкихъ судовъ, собралъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ: Новгородцевъ, финскихъ жителей Бѣлоозера, Ростовцевъ, Сѣверянъ, Кривичей, Хорватовъ и пр. Днѣпръ покрылся ладьями, конница шла берегомъ. Игорь осталя править Кіевомъ.

Есть преданіе, будто Императоръ, слыша о приближеніи грозныхъ враговъ, повелѣлъ перегородить море желѣзною цѣпью: но Олегъ не устрашился этой преграды, онъ вытащилъ лодки свои на берегъ, поддѣлалъ подъ нихъ колеса, навѣсилъ паруса, вѣтеръ вздулъ ихъ—и флотилія Русская покатилась.... Греки устрашились — и предложили дань. Олегъ потребовалъ много золота и серебра; Греки согласились дать. Тогда заключенъ былъ съ ними перый письменный договоръ, въ число условій котораго входила и слѣдующая статья: Греки должны были Русскихъ гостей содержать въ Константинополѣ на свой счетъ и давать имъ входъ въ народныя бани, которыя славились тогда своею роскошью. Греки клялись въ исполненіи условій своихъ Св. Евангеліемъ; а Руссы богами своими: Перуномъ,

Волосомъ и оружіемъ. Повѣствуютъ, будто Олегъ, въ память пребыванія своего въ Греціи, повѣсилъ щитъ свой на вратахъ Царяграда.

Когда Олегъ съ богатствомъ, славою и честію возвратился въ Кіевъ, тогда народъ назвалъ его *вѣщимъ*, т. е. мудрымъ. Шесть лѣтъ послѣ того прожилъ онъ въ мирѣ и тишинѣ, сосѣди чествовали имя его и боялись оружія Русскаго. Преданіе говоритъ, будто волхвы предсказали ему смерть отъ любимаго коня; онъ удалилъ его отъ себя, долго не освѣдомлялся о немъ, и однажды какъ-то вспомнивъ, спросилъ о конѣ: ему отвѣчали, что онъ давно уже не существуетъ. Олегъ захотѣлъ видѣть остовъ его; ему показали, онъ посмѣялся предсказанію, и наступилъ на конской черепъ ногою, говоря: *этого ли мнѣ бояться?* Но въ черепѣ таилась змѣя; она ужалила Князя въ ногу; онъ тяжело заболѣлъ и умеръ. Народъ оплакивалъ его.

КНЯЗЬ ИГОРЬ.

Игорь принялъ княжескую власть уже въ зрѣломъ возрастѣ; по смерти грознаго Олега, вскорѣ взбунтовались Древляне, но полководецъ княжескій Свенельдъ усмирилъ ихъ и наложилъ на нихъ тяжкую дань. Въ то же время явились на устьѣ Днѣпра новые враги Южной Россіи—то были *Печенѣги*, народъ многочисленный, свирѣпый, кочевой, какъ нынѣшніе Калмыки или Киргизы; но Кіевъ оборонился отъ нихъ.

Условія, заключенныя Олегомъ съ Греками, не выполнялись, и потому Игорь рѣшился идти на Грецію войною. Лѣтописцы повѣствуютъ, что Игорь вошелъ въ Черное море на 10,000 судахъ, и напалъ на окрестности Царяграда; но Греческій Адмиралъ Ѳеофанъ, по приказанію Императора

Романа, устроилъ на корабляхъ своихъ машины съ греческимъ огнемъ и началъ имъ палить и жечь Русскія ладьи; Игорь съ малымъ остаткомъ флотиліи своей, едва спасся въ Кіевѣ.

Чрезъ два года послѣ того Игорь нанялъ Печенѣговъ, вызвалъ Варяговъ, и опять пошелъ на Грецію. Тогда Греки послали къ нему договариваться о мирѣ, Игорь отдался на судъ своего войска: *кто съ моремъ совѣтенъ*, отвѣчали ему воины: *къ Царюграду идти не по сухому пути, лучше возьми даромъ, безъ пролитія крови, золота, серебра, камней драгоцѣнныхъ*. Игорь согласился возвратиться въ Кіевъ, и заключилъ съ Греками миръ почти на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ помирился съ ними Олегъ. Христіане Русскіе присягали въ церкви *Св. Иліи*, Игорь на священномъ холмѣ, гдѣ стоялъ перунъ, торжественно обязался хранить дружбу съ императоромъ; язычники—воины его въ знакъ клятвы, клали къ ногамъ идола золото и разное оружіе: щиты, копья, обнаженные мечи, (которые почитали они драгоцѣннѣе всего) и произносили: *клянусь соблюдать миръ доколѣ свѣтъ стоитъ и солнце сіяетъ, иначе пусть*

буду умерщвленъ собственнымъ оружіемъ, не ущитюсь щитомъ своимъ, буду проклятъ отъ Перуна и сдѣлаюсь рабомъ женщины....

После того Игорь хотѣлъ успокоить старость свою отдохновеніемъ, но корыстолюбивая дружина его подстрекнула своего князя идти за данью на Древлянъ. Греки повѣствуютъ, будто князья наши, почти всякій годъ, въ Ноябрѣ, отправлялись въ дальнія области за данью, и проводили въ этомъ путешествіи всю зиму. Прежде вмѣсто Игоря ходилъ за данью Свенельдъ, и очень обогатился съ своею дружиною; Игорева дружина роптала на это: *мы наги и босы, а Свенельдовы отроки украшаются оружіемъ и одеждою!* восклицали воины. Игорь прибылъ къ Древлянамъ за данью; они безропотно выдали ее Князю; но когда онъ, отправивъ большую часть своего войска въ Кіевъ, воротился опять въ Коростень (главный древлянскій городъ) и сталъ требовать новой дани, зачѣмъ идешь къ намъ князь, говорили древлянскіе послы, мы все заплатили тебѣ. Но онъ не слушалъ. Древляне собрали совѣтъ, и говорили: *повадится волкъ въ стадо ходить, всѣхъ овецъ перетаскаетъ, лучше убить*

самаго его! И въ самомъ дѣлѣ они вооружились подъ предводительствомъ князя Мала, истребили оставшуюся малую дружину Игоря, а самаго его, пишутъ византійскіе историки, привязавъ къ двумъ деревьямъ, разорвали на двое.... Князя похоронили близь города и насыпали высокій курганъ надъ его могилой.

Игорь, хотя и не имѣлъ, какъ Олегъ, успѣховъ въ войнахъ своихъ; однако сохранилъ цѣлость Русской державы, и позволялъ новообращеннымъ Христіанамъ славить истиннаго Бога, что дѣлаетъ честь его благоразумной терпимости, достойной временъ просвѣщенныхъ.

ОЛЬГА

(ПРАВИТЕЛЬНИЦА).

Святославъ, сынъ Игоря, былъ еще малолѣтенъ, и все угрожало ему бѣдствіемъ: возстаніе Древлянъ, властолюбіе начальниковъ, буйство войска; но великая мать его, княгиня Ольга, женщина съ твердымъ характеромъ, свѣтлымъ умомъ и непреклонною волею, не только сохранила, но еще упрочила цѣлость Русской державы. Норманнъ Асмудъ, дядька Святослава, пріучавшій питомца своего къ суровой воинственной жизни, и полководецъ Свенельдъ, были опорою правленія Ольги. Есть преданіе, будто древлянскій князь Малъ, возгордясь своею побѣдою надъ Игоремъ, прислалъ пословъ къ Ольгѣ, съ предложеніемъ выдти за него за мужъ, и будто

хитрая Княгиня, желая уловить пословъ въ сѣти свои, притворно согласилась на это предложеніе, звала пословъ къ себѣ на пиръ, внушила имъ, чтобы они приказали нести себя къ ней на лодкахъ, и когда Кіевляне прибыли къ нимъ съ приглашеніемъ, кичливые послы говорили: *не хотимъ идти ни пѣшкомъ, ни ѣхать на коняхъ, несите насъ въ тѣхъ ладьяхъ, въ которыхъ мы прибыли изъ дому своего.* Кіевляне торжественно понесли ихъ ко Двору Княгини, но вмѣсто того, чтобъ внести ихъ въ княжескія палаты, бросили всѣхъ въ глубокую, нарочно вырытую для того, яму. Княгиня, издали смотрѣвшая на это, подошла къ посланнымъ, заглянула въ яму и смѣясь, спросила ихъ: *что, почетно ли я васъ принимаю?... Горьше, нежели мы мужа твоего!... отвѣчали легкомысленные*—и ихъ засыпали землею....

Послѣ того Ольга сама будто бы послала къ Малу пословъ, прося отъ него сватовъ, мужей избранныхъ; вскорѣ эти избранные древлянскіе мужи прибыли въ Кіевъ. Княгиня приказала выпарить ихъ, по славянскому обычаю, въ банѣ, и только что вошли они туда, какъ ихъ тамъ

заперли и сожгли. Наконецъ Ольга сама отправилась въ Коростень, съ своею дружиною, и объявила Малу, что прежде сватьбы своей съ нимъ, желаетъ отправить тризну на могилѣ Игоря. Выше сказано уже, что тризною назывались *поминки*, на которыхъ совершали воинскія игры, пили крѣпкій медъ и пѣли языческія пѣсни. Когда Древляне перепились; тогда Ольга велѣла убивать ихъ, и многіе изъ нихъ погибли. Хитрости Ольги открылись; Древляне напали на дружину ея; битва продолжалась долго, нерѣшительно Ольга прекратила ее, и предложила миръ, говоря: *я помирюсь съ вами, только дайте мнѣ, вмѣсто дани, по голубю съ каждаго дома.* Древляне согласились. Ольга велѣла привязать къ хвостамъ птицъ по зажженному фитилю и выпустить ихъ на волю; птицы прилетѣли въ гнѣзда свои, зажгли ихъ и дома Древлянъ; — пожаръ распространился по всему городу. Это было ночью. Древляне перепугались, бросились въ безпорядкѣ во всѣ стороны; а воины Ольги начали ихъ истреблять. На мѣстѣ города явились кучи пепла и груды труповъ.

Въ это же время Новгородъ и другія сѣверныя области, отдаленныя

отъ Кіева, перестали платить дань владыкамъ своимъ. Ольга вознамѣрилась лично обозрѣть дальнія владѣнія свои, — и отправилась въ Новгородъ, потомъ на родину свою въ Псковъ. Княгиню принимали вездѣ съ почестію и присягнули ей въ повиновеніи. Въ Псковѣ и донынѣ сохраняются сани, въ которыхъ Ольга пріѣзжала туда. Объѣздивъ владѣнія свои, она раздѣлила ихъ на волости или погосты.

Въ продолженіи дальнѣйшаго правленія своего Ольга не помышляла о походахъ и завоеваніяхъ, но укрѣпляла владычество свое надъ областями и поддерживала миръ съ Греціею.

Жизнь княгини склонилась къ старости; Святославъ возмужалъ. Этотъ необыкновенный князь и воинъ, былъ роста средняго, но плечистъ, вида суроваго, съ длинными усами, брилъ голову, оставлялъ только пукъ волосъ на лбу; силенъ, отваженъ, любилъ войну, презиралъ всякую нужду, голодъ, холодъ, спалъ подъ открытымъ небомъ, завернувшись войлокомъ и положивши голову на сѣдло, ѣлъ конину (мясо лошадей, испеченное на угляхъ), если не было чего другаго. Характеръ Святослава былъ чисто

рыцарскій; онъ не хотѣлъ ни на кого нападать въ расплохъ, а предварялъ враговъ, посылалъ имъ сказать: *иду на васъ*. Матери своей онъ мало слушался, а совѣтъ держалъ только съ воспитателемъ своимъ, Свенельдомъ и удалою дружиною.

Наконецъ Ольга передала ему правленіе, а сама рѣшилась исполнить давно задуманное дѣло: принять Христіанскую вѣру. Ольга долго бесѣдовала съ священниками, убѣдилась въ догматахъ Святой вѣры и отправилась въ Царьградъ креститься. Есть преданіе, будто бы императоръ Константинъ Багрянородный, прельстясь красотою Ольги, предложилъ ей свою руку; но она отвѣчала: *прежде окрести меня*. Императоръ согласился. Когда же княгиня Ольга, названная во Святомъ Крещеніи *Еленою*, вышла изъ купѣли, тогда онъ сдѣлалъ ей вторичное предложеніе. *Какъ же ты, государь христіанскій*, возразила ему княгиня, *бывши моимъ воспріемникомъ, хочешь жениться на мнѣ, дозволяется ли это Христіанскимъ закономъ?* — Ну, Ольга *премудрая*, *воскликнулъ императоръ, перехитрила ты меня умомъ—разумомъ своимъ!* Ольгу крестили

въ царскихъ чертогахъ, обрядъ совершалъ самъ патріархъ; послѣ новообращенную, со свитою, роскошно угощали, одарили щедро и отпустили съ честію восвояси.

Возвратившись въ Кіевъ, Ольга уговаривала сына своего принять Св. вѣру; *могу ли,* отвѣчалъ Святославъ, *принять новый законъ, чтобы дружина моя смѣялась надо мною?*

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ.

Святославъ напалъ на Вятичей (латышское племя близь Оки), побѣдилъ ихъ и пустился на Хазаръ, быстро, какъ молнія, ихъ сокрушилъ онъ и раззорилъ главный городъ ихъ *Саркелъ,* или Бѣлую Вежу (т. е. бѣлый шатеръ).

Преданіе говоритъ, что когда Руссы не владѣли еще Кіевомъ, къ Полянамъ прибыли отъ Хазаръ послы за данью; Поляне подали имъ мечи обоюду острые; сѣдобородые мудрецы хазарскіе задумались о томъ, что значитъ эта дань и заключили, что Поляне однимъ остріемъ защитятся отъ нихъ, другимъ побѣдятъ ихъ самихъ.

Побѣдивъ Хазаръ, Святославъ пошелъ къ Азовскому морю на Ясовъ и Касоговъ, и основалъ на полуостровѣ Таманѣ городокъ *Тмутаракань;*

послѣ воротился въ Кіевъ, чтобы собраться съ силами, и идти на Печенѣговъ; но къ нему явились Греческіе послы и измѣнили его намѣреніе. Въ то время опять возстали на Грецію Болгары. Императоръ Константинъ уже не существовалъ; на престолѣ былъ Никифоръ Фока. — Онъ просилъ Святослава напасть на Болгаръ, обѣщая ему за то много золота и всякихъ драгоцѣнностей. Святославъ обрадовался случаю воевать, пошелъ на Болгарію, и началъ опустошать ее тяжкимъ мечемъ своимъ. Тогда сами Греки испугались его успѣховъ. Повѣствуютъ, будто императоръ прислалъ ему множество дорогихъ подарковъ, но Святославъ и не взглянулъ на нихъ, а только сказалъ своей дружинѣ: *возьмите себѣ* — и остался въ Болгаріи. Императоръ устрашился тогда еще болѣе. Совѣтники его присудили искусить Русскаго Князя оружіемъ, и послали ему золотокованные мечи и крѣпкія брони. Святославъ жадно схватилъ мечъ, не нарадовался на него, обнималъ, цѣловалъ его, какъ брата родимаго. *Лютъ сей Князь*, говорили Греки, заслышавъ объ этомъ, и стали стараться всячески склонить Святослава на миръ и удалить изъ Болгаріи, какъ

опаснаго сосѣда. Но Святославъ думалъ иначе: онъ мысленно располагалъ раздѣлить всѣ свои области между дѣтьми, а самъ хотѣлъ переселиться въ Болгарію, которая ему очень нравилась по пріятному мѣстоположенію и климату своему. Императоръ тогда возбудилъ противъ Святослава Печенѣговъ, они въ отсутствіе его осадили Кіевъ, тамъ заперлась Ольга съ внучатами своими, и едва могла защищаться отъ превосходныхъ силъ.

Повѣствуютъ, что за Днѣпромъ стояла русская дружина, но никто не могъ пробраться чрезъ печенѣжскій станъ, чтобъ увѣдомить военачальника Претича объ стѣсненіи города; вызвался на это одинъ юноша, онъ одѣлся въ платье печенѣжскаго воина, взялъ въ руки узду, и показывая видъ, будто ищетъ коня своего, счастливо пробрался черезъ станъ враговъ и бросился въ Днѣпръ. Печенѣги догадались, полетѣла туча стрѣлъ вслѣдъ за юношей; но онъ благополучно достигъ до берега, увѣдомилъ Претича объ опасности, грозившей Кіеву, и спасъ городъ съ княжескимъ семействомъ. Печенѣги, увидѣвъ приближавшуюся дружину Претича, и заслышавъ о приближеніи самаго Святослава, поспѣшно бѣжали отъ Кіева.

Въ самомъ дѣлѣ Ольга посылала сказать сыну, что онъ, завоевывая чужія земли, теряетъ свои. Князь поспѣшно прибылъ въ Кіевъ. Мать упрашивала его остаться дома и не предпринимать болѣе походовъ; но Святославъ, не слушая увѣщанія матери, тотчасъ же пустился на Печенѣговъ, и, разбивъ ихъ на голову, опять сталъ собираться на Болгарію. *Привольно мнѣ будетъ жить на Дунаѣ*, говорилъ онъ, *изъ Греціи мнѣ станутъ возить золото, разныя хитрыя ткани, изъ Руси медъ, воскъ и пушные товары.—Слезно прошу тебя*, взывала къ нему мать, *хотя закрой мнѣ прежде глаза, и потомъ уже Боже управи путь твой!* Святославъ послушался. Ольга, *утренняя звѣзда предъ солнцемъ*, какъ звали ее современники, вскорѣ скончалась, моля Вышняго, да озаритъ Онъ Русскую землю Святою вѣрою. Исторія назвала княгиню Ольгу *мудрою*, а Церковь присоединила ее къ лику Святыхъ.

Вскорѣ, по смерти матери, Святославъ раздѣлилъ свои владѣнія: старшему сыну *Ярополку* отдалъ Кіевъ, съ титломъ Великаго Князя; младшему *Олегу*—Древлянскія земли; но у него оставался еще сынъ *Влади-*

міръ; (отъ ключницы его Малуши, сестры богатыря Добрыни); и когда Новогородцы прислали къ нему просить себѣ князя, онъ далъ имъ Владиміра, говоря насмѣшливо: *Кто, кромѣ его, пойдетъ княжить къ вамъ въ такую даль!*

Началась гибельная удѣльная система.

Святослава ничто уже не удерживало въ Кіевѣ; онъ собралъ новыя дружины, нанялъ Печенѣговъ и, явившись опять въ Болгаріи, покорилъ столицу ея Доростоль, (нынѣшнюю Силистрію). Тогда прибыли къ нему греческіе послы и стали опять уговаривать князя на миръ съ Болгарами. Святославъ не соглашался; послы напомнили ему походъ отца его Игоря на Царьградъ; Святославъ разгнѣвался: *не ужиться намъ на одной землѣ,* сказалъ онъ посламъ, *я и самихъ васъ выгоню въ Азію, мы не наемники ваши и не гости, а сами хозяева.*

Вскорѣ воины его перешли гору Гемусъ (Балканъ), дошли до Адріанополя, поразили Грековъ и угрожали Царю-граду. Въ это время царствовалъ въ Греціи Іоаннъ Цимисхій, не слабый императоръ, но храб-

рый, умный государь. Он послалъ сильное войско отразить Русскихъ, перешедшихъ за Гемусъ, и послѣ самъ выступилъ въ походъ. Прибывъ къ Дунаю, Греки осадили Переяславецъ, гдѣ начальствовалъ Свенельдъ; Руссы защищались отчаянно, но превосходство силъ одолѣло; самъ Свенельдъ едва спасся отъ плѣна, и принесъ Святославу извѣстіе о взятіи города. Болгары и Печенѣги передались Грекамъ, и вскорѣ самъ князь окруженъ былъ, со всѣхъ сторонъ, въ Доростолѣ, отборнымъ и многочисленнымъ греческимъ войскомъ.

Святославъ не унывалъ, заперся въ городѣ, отвергъ всѣ условія и приготовился къ битвѣ отчаянной. Лишь только явился императоръ предъ Доростолемъ, городскія ворота отворились, и русская дружина, съ громкимъ крикомъ, бросилась на враговъ. Дрогнули Греки, но императоръ удержалъ ихъ. Завязалась сѣча жаркая. Святославъ поражалъ Грековъ; но императоръ подсылалъ къ своимъ свѣжіе легіоны, и наконецъ самъ бросился въ сраженіе. Русскіе отступили и заперлись въ городѣ. О мирѣ Святославъ не хотѣлъ и слышать.

Тогда Греки еще теснѣе обложили Доростоль. Русскіе терпѣли голодъ, бились ежедневно, отражая приступы, но не сдавались. Кому не было спасенія въ битвѣ, тотъ убивалъ самъ себя. По ночамъ выходили они изъ города и сожигали тѣла своихъ убитыхъ. Цимисхій стѣснялъ Русскихъ все болѣе и болѣе. — Наконецъ Святославъ сталъ совѣтоваться съ своими воеводами, на что бы имъ рѣшиться. Всѣ присудили просить мира; Святославъ воскликнулъ: *Станемъ, сразимся еще въ послѣдній разъ, не посрамимъ земли Русскія, ляжемъ костьми, мертвые бо срама не имутъ, иду передъ вами, и когда положу голову мою, тогда дѣлайте, что хотите!... Мы всѣ съ тобой!* отвѣчали ему храбрые воины, и ринулись на Грековъ. Началась битва жестокая, отчаянная. Святославъ былъ впереди всѣхъ; но превосходство силъ одолѣло. На ту пору вихрь и сильный дождь обратились въ лице Русскимъ. Святославъ былъ раненъ, битва кончилась, и хотя не льзя было рѣшить, кто побѣдилъ; однако же Русскіе отступили въ городъ, Святославъ рѣшился помириться съ императоромъ.

Цимисхій самъ очень желалъ мира. Ему дорого стоило бороться съ

Святославомъ. Договоръ былъ заключенъ. Святославъ клялся въ прочности его, положивъ руку на золото: *пусть пожелтѣю я, какъ это золото, если нарушу миръ!* говорилъ онъ. Послѣ того государи — соперники желали имѣть свиданіе: императоръ выѣхалъ на берегъ Дуная, въ *златной* одеждѣ своей, съ блестящею свитою, со всѣмъ великолѣпіемъ двора восточнаго; а Святославъ выплылъ изъ Доростоля на лодкѣ, въ простой бѣлой одеждѣ, и самъ правилъ весломъ. Прибывъ къ мѣсту свиданія, онъ подошелъ къ императору, мрачно посмотрѣлъ на него, холодно обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами о мирѣ,—и поплылъ въ обратный путь. Вся свита императора, съ нѣмымъ удивленіемъ, смотрѣла на Русскаго Князя —героя.

Затруднительно было возвращеніе Русскихъ въ Кіевъ въ неблагопріятное осеннее время. Святославъ рѣшился зимовать у днѣпровскихъ пороговъ. Свенельдъ предлагалъ ему бросить лодки и идти сухимъ путемъ; но Святославъ не послушался, и, претерпѣвъ всѣ нужды, дождался весны. Тутъ Печенѣги, вѣроятно, свѣдавъ отъ Грековъ, (боявшихся возвращенія

СВИДАНІЕ В. КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА СЪ ЦИМИСХІЕМЪ.

Святослава), что князь плыветъ близь ихъ жилищъ, съ богатой добычей, напали на него во множествѣ, убили его, и будто бы сдѣлали изъ черепа его чашу, обложили ее золотомъ, и надписали на ней: *кто желаетъ чужаго, тотъ теряетъ свое.* Свенельдъ, съ остаткомъ дружины, добрался до Кіева.

НАСЛѢДНИКИ СВЯТОСЛАВА,

ДО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

ВЛАДИМІРА I.

Сыновья Святослава начали править своими удѣлами: Свенельдъ былъ совѣтникомъ юнаго Ярополка, князя Кіевскаго. Сынъ Свенельда, Лютъ, однажды, тѣшась охотою, заѣхалъ въ Древлянскую землю, и встрѣтился съ тамошнимъ княземъ Олегомъ. Они поссорились; Олегъ убилъ Люта. Тогда Свенельдъ, мстя за сына, уговорилъ Ярополка отнять владѣнія у брата своего. Братья сошлись въ битвѣ врагами; Олегъ былъ разбитъ, и въ бѣгствѣ попалъ въ глубокій ровъ. Когда отыскали окровавленное тѣло

князя, природа взяла свое; Ярополкъ прослезился, упрекнулъ Свенельда, но вскорѣ присоединилъ братнины области къ своимъ.

Это было первое братоубійство.

Ярополкъ сдѣлался сильнымъ княземъ, и сталъ свататься за Рогнеду, дочь Рогвольда, князя Полоцкаго, (независимаго норманскаго властителя въ Литовской землѣ). Между тѣмъ третій сынъ Святослава, Владиміръ, правя Новогородомъ, испугался самовластія Ярополка и бѣжалъ къ Варягамъ. Ярополкъ присоединилъ и Новгородъ къ своему княженію; но Владиміръ собралъ удалую Варяжскую дружину, воротился въ отчизну свою, выслалъ оттуда Ярополковыхъ намѣстниковъ, и велѣлъ сказать брату своему, чтобъ онъ готовился встрѣтить его.

Ярополкъ встревожился. Тогда Свенельда уже не было на свѣтѣ; Владиміръ подвигался къ Кіеву. Дорогою заслалъ онъ къ Рогвольду свататься за невѣсту брата; Рогнѣда отвѣчала: *не хочу быть женою рабынича.* Владиміръ взялъ ее силою.

У Ярополка былъ въ это время любимецъ *Блудъ*. Его подкупилъ

Владиміръ (какъ сказано въ лѣтописяхъ). Блудъ увѣрилъ слабаго князя своего, что Кіевляне замышляютъ противъ него измѣну; Ярополкъ бѣжалъ въ городокъ *Роднію*. Владиміру удобнѣе было осадить его тамъ. Блудъ уговаривалъ Ярополка покориться Владиміру; а нѣкто, *Варяжко*, напротивъ убѣждалъ его не довѣрять Владиміру, и бѣжать къ Печенѣгамъ; но Блудъ былъ хитрѣе, и склонилъ Ярополка на свою сторону. Онъ увѣрилъ робкаго князя, что Владиміръ ждетъ его въ своей ставкѣ для заключенія мира; и лишь только несчастный Ярополкъ переступилъ черезъ порогъ ея, два наемные Варяга пронзили грудь его мечами. Это было уже второе братоубійство. Владиміръ остался единственнымъ обладателемъ Руси, и женился на вдовѣ убитаго брата, (какой-то Греческой монахинѣ), которая была тогда беременна и вскорѣ родила Святополка, котораго Владиміръ усыновилъ. У язычниковъ не было законныхъ супружествъ (единоженства), которыя укрѣпляютъ связи семействъ и обществъ.

В. Князь Владиміръ I.

Жизнь Владиміра дѣлится на два періода: Владиміръ — ревностный язычникъ въ продолженіи осьми лѣтъ, и Владиміръ—ревностнѣйшій Христіанинъ до своей кончины. Первый періодъ представляетъ эпоху молодечества, богатырства и пиршествъ. Преданія гласятъ объ немъ чудеса, какъ на пр. солнышко красное князь Владиміръ, чествовалъ и угощалъ богатырей своихъ сладкими медами и яствами лебедиными. А богатыри-то у него были какіе! *Илья Муромецъ*, побѣдившій славнаго Соловья разбойника въ гнѣздѣ его на семи дубахъ, *Добрыня Никитичъ*, дядя Владиміра по матери, убившій чародѣя Тугарина Зміулоновича, *Алеша Поповичъ*, *Чурила Пленковичъ*, *Рогдай могучій*, выѣзжавшій одинъ на триста Печенѣговъ и пр.

Великій Князь самъ пировалъ съ дружиною своею, и когда однажды гости сказали хозяину, что имъ стыдно у него ѣсть деревянными ложками, князь велѣлъ сдѣлать для нихъ серебряныя, говоря, что золотомъ и серебромъ не добудешь такой дружины, а съ богатырями можно добыть всё. Варяговъ же, помогшихъ ему завоевать Кіевское княжество, онъ хитро умѣлъ удалить въ Царьградъ.

Въ первые годы своего княженія Владиміръ усмирилъ Радимичей, Вятичей, покорилъ Ятвяговъ, Волынскую или Червенскую область. Въ благодарность за побѣды свои, онъ воздвигнулъ новый деревянный истуканъ Перуна, съ серебряною головою и золотыми усами. Жрецы убѣдили Владиміра принести на жертву своимъ богамъ двухъ христіанъ (Ѳеодора и сына его Іоанна); церковь наша чтитъ память ихъ. Повѣствуютъ, будто Владиміръ хотѣлъ напасть на Камскихъ Болгаръ; но Добрыня отсовѣтовалъ ему, говоря: *они де ходятъ въ сапогахъ, пойдемъ лучше искать лапотниковъ.*

Вотъ еще что разсказываютъ о Печенѣгахъ: однажды, въ отсутствіе

РУССКОЙ БОГАТЫРЬ.

Владиміра, они осадили Бѣлгородъ (близъ Кіева), жители котораго, не имѣя запасовъ, терпѣли голодъ; одинъ Бѣлгородецъ велѣлъ врыть въ землю двѣ большія кадки, высыпать въ одну изъ нихъ всю оставшуюся муку и развесть кисель, а въ другой сыту медовую; потомъ пригласили Печенѣговъ и начали предъ ними ѣсть да похваливаться своимъ достаткомъ. Тогда Печенѣги подумали, что у Бѣлгородцевъ находятся неистощимые колодези киселя и сыты,—слѣдовательно голодомъ донять ихъ было нельзя; помирились съ ними и отступили отъ города. Въ другой разъ Печенѣги, подступивъ подъ Кіевъ, вызывали будто бы изъ Русской дружины какого нибудь сопротивника богатырю ихъ. Владиміръ сталъ кличь кликать; къ нему явился старикъ кожевникъ, и просилъ выбрать для борьбы съ Печенѣгомъ его сына, который будто бы такъ былъ силенъ, что рвалъ пополамъ сыромятныя кожи. Владиміръ согласился. Для опыта пригнали дикаго быка, раздразнили его, и страшный звѣрь бросился на молодаго кожевника; но этотъ только посторонился немного, и вырвалъ у быка нѣсколько реберъ. Тогда этого удальца пустили на Печенѣжскаго силача. Борьба была не-

долга; Русскій силачъ схватилъ Печенѣга за горло, и такъ швырнулъ его о землю, что тотъ и не дохнулъ. Печенѣги обратились въ бѣгство.

У Владиміра язычника было много женъ, а отъ нихъ много сыновей, изъ которыхъ *Ярослава* поставилъ онъ правителемъ въ Новгородѣ, *Изяслава* (отъ Рогнѣды) въ Полоцкѣ, *Бориса* въ Ростовѣ, *Глѣба* въ Муромѣ, *Святослава* въ Древлянской области, *Всеволода* въ Волыни, *Мстислава* въ Тмуторокани, а усыновленнаго *Святополка* въ Туровѣ.

Князья правили подъ его рукой, но признавали владыкою своимъ отца. Есть преданіе, что Рогнѣда, взятая Владиміромъ насильно изъ Полоцка, прозванная, по несчастной жизни своей, *Гориславою*, хотѣла отмстить мужу своему, и однажды, когда Владиміръ легъ почивать, Рогнѣда подкралась къ нему съ ножемъ, но Владиміръ проснулся и хотѣлъ ее убить. Въ то время, Изяславъ, сынъ ихъ, бросился предъ отцемъ на колѣни, и молилъ его простить мать; Владиміръ тронулся слезами его, но сослалъ жену съ сыномъ въ Полоцкъ.

Наконецъ наступила великая эпоха перерожденія Россіи.... Владиміръ

убѣдился въ тщетѣ языческой вѣры и пожелалъ перемѣнить ее. — Къ нему явились разные народы съ предложеніемъ: принять ихъ вѣру. У Евреевъ спросилъ Владиміръ: *гдѣ ваше царство?* — *Мы гнѣвомъ Божіимъ разсѣяны по лицу всей земли,* отвѣчали Евреи. *По этому и вѣра ваша неугодна Богу!* сказалъ Владиміръ, и отослалъ ихъ. На предложеніе Мусульманъ Владиміръ отвѣтствовалъ: *Вамъ Могометъ запретилъ пить вино, а вино веселитъ сердце Русское.* Посламъ отъ Римскаго папы Владиміръ сказалъ: *Отцы наши и дѣды отказались отъ Латинской вѣры, и намъ она не въ угоду.*

Послѣ того будто бы Владиміръ послалъ во многія государства узнавать различіе вѣръ, и послы, возвратясь въ Кіевъ, съ восторгомъ разсказывали о Богослуженіи Грековъ: *вездѣ мы были,* говорили они, *но когда вступили въ грегескіе храмы, то гаяли видѣть себя на небесахъ.* Владиміру и самому хотѣлось принять вѣру отъ Грековъ, сколько по душевному убѣжденію, столько и по политическимъ отношеніямъ. Греки были тогда образованнѣе всѣхъ народовъ. Чрезъ сближеніе съ Греціею Влади-

міръ хотѣлъ образовать и свое Государство. Онъ собралъ совѣтъ изъ вельможей своихъ, и тѣ ему отвѣчали: *Если бы не истинная была вѣра Греческая, то бабка твоя, Ольга премудрая, не приняла бы ее.* Изъ языческой гордости Владиміръ не рѣшился *просить* себѣ вѣры отъ Грековъ, но хотѣлъ *завоевать* ее; и потому сталъ требовать у императора въ супружество себѣ сестру его Анну; ему отказали; Владиміръ собралъ богатырей своихъ, и съ сильнымъ войскомъ вошедъ въ Тавриду, (нынѣшній Крымъ) осадилъ богатѣйшій греческій городъ *Херсонесъ*. Греки были спокойны, они не думали, чтобъ этотъ городъ, окруженный неприступными стѣнами, могъ пасть отъ оружія Руссовъ. Но Владиміръ склонилъ на свою сторону одного греческаго іерея, который пустилъ къ нему въ лагерь стрѣлу съ письмомъ, увѣдомивъ въ немъ князя, что если онъ прикажетъ перекопать водопроводы, снабжающіе Херсонесъ водою, то городъ не устоитъ. Такъ и исполнилось, жители не могли перенести страшную жажду, и покорились Владиміру.

Цареградскіе Греки ужаснулись, услышавъ о взятіи Херсонеса, поги-

бель грозила имъ, Іоаннъ Цимисхій уже не существовалъ, Греція была въ изнеможеніи. Царевна Анна, страшившаяся мысленно Россіи, какъ страны варварской, наконецъ рѣшилась быть жертвой спасенія русскаго народа отъ тмы языческой, а своего отечества отъ оружія Русскихъ. Владиміру обѣщали руку царевны, съ тѣмъ, чтобъ онъ принялъ напередъ Св. Крещеніе; а русской князь того только и ожидалъ. Царевна Анна, съ блестящею свитою, прибыла въ Херсонесъ; Владиміръ крестился, названъ *Василіемъ*, и послѣ того сочетался съ царевной бракомъ. Преданіе говоритъ, что Владиміръ, предъ Св. Крещеніемъ, ослѣпъ; но, едва окрестился, прозрѣлъ, и это еще болѣе убѣдило его въ истинѣ догматовъ Христіанской вѣры.

Окрестившись, Владиміръ, съ духовною и свѣтскою свитою, съ св. иконами, церковными сосудами и мощами торжественно возвратился въ Кіевъ.

Замѣчательно, что Кіевляне и мысленно не противились принятію Христіанской вѣры. *Если бы не хорошъ былъ законъ грегескій, нашъ князь и бояре не приняли бы его,* говорили они, и, по княжескому приказу, тол-

пами явились къ днѣпровскимъ берегамъ. Это было въ 1088 году по Рож. Хріс. Туда прибылъ и самъ Владиміръ, сопровождаемый іереями. Предъ нимъ несли животворящій крестъ; демественники (пѣвчіе) пѣли священные стихиры; крестъ погрузили въ воду — и народъ двинулся съ береговъ въ рѣку, ведя за собою дѣтей малолѣтныхъ.—Такъ совершилось св. крещеніе въ Россіи. *Земля и небо ликовали*, говоритъ лѣтописецъ. Владиміръ заплакалъ отъ радости и воскликнулъ, обратя очи къ небу: *Господи! призри съ небесъ на обращенныхъ рабовъ твоихъ.*

Послѣ того тотчасъ, головастаго Перуна съ поруганіемъ сбросили съ высокаго холма, на которомъ онъ стоялъ, и поволокли въ Днѣпръ; идолъ, будто бы, вылъ и вопилъ. Въ то же время Добрыня провозгласилъ св. крещеніе въ Новгородѣ, и истребилъ тамъ всѣхъ идоловъ. Подобнымъ образомъ и въ прочихъ областяхъ Россіи, мало по малу, ввели хрістіанскую вѣру, только не вездѣ вдругъ: Вятичи упорно отказывались покинуть язычество и замучили своего проповѣдника *Св. Кукшу*; такой же проповѣдникъ, *св. Леонтій*, былъ убитъ въ Ростовѣ. Многіе язычники долго заблуж-

КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ

дались въ понятіяхъ своихъ: они *Св. Власія* почитали за идола *Волоса*, а пророка *Илію* принимали за *Перуна*, который будто бы ушелъ съ земли на небо и разъѣзжаетъ тамъ въ громо-огненной колесницѣ.

Владиміръ, окрестившись, совершенно измѣнился — сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ: заводилъ училища, строилъ церкви. *Десятинный* соборный храмъ въ Кіевѣ, (названный такъ отъ десятой части княжескихъ доходовъ, отдаваемыхъ каждогодно въ церковь) былъ выстроенъ греческими художниками, изъ порфира и мрамора съ мозаикою. Всѣ сирые и убогіе находили себѣ пріютъ у человѣколюбиваго князя. Остальное правленіе Владиміра было мирно; только подъ конецъ жизни своей онъ сильно прогнѣвался на сына своего, Ярослава Новгородскаго за то, что Новгородцы отказались платить вел. князю дань. Владиміръ самъ отправился въ походъ, чтобъ наказать сына съ его отчиной; но на дорогѣ разболѣлся и скончался. Наша Церковь причислила его къ лику святыхъ, и назвала *Равноапостольнымъ*.

РАСПРИ НАСЛѢДНИКОВЪ ВЛАДИМІРА,

ДО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

ЯРОСЛАВА.

Владимірѣ не успѣлъ сдѣлать завѣщанія о престолонаслѣдіи. Нѣкоторые изъ его сыновей умерли еще при жизни его; старшимъ оставался усыновленный племянникъ его *Святополкъ*, который и расположился овладѣть в. княжествомъ. Онъ принялъ всѣ мѣры скрыть смерть Владиміра отъ сыновей его, пока совершенно не овладѣетъ престоломъ; когда же Кіевляне признали его в. княземъ; онъ рѣшился предательски истребить двоюродныхъ братьевъ своихъ. Убійцы его поразили Святослава древлян-

скаго на дорогѣ, когда онъ, услышавъ о властолюбіи Святополка, бѣжалъ въ Польшу. Борисъ, ничего не подозрѣвая, слушалъ на берегу рѣки Альты заутреню, и послѣ легъ отдохнуть; убійцы вторгнулись въ шатеръ его, и пронзили юнаго князя копьями. Когда его привезли къ Святополку, онъ еще дышалъ. Святополкъ велѣлъ дорѣзать его. Глѣба тоже убили на дорогѣ, когда онъ плылъ по Днѣпру, не зная, куда бѣжать ему. Борисъ и Глѣбъ были дѣти одной матери; ихъ похоронили вмѣстѣ, въ Вышгородѣ (близь Кіева). Они причислены, по страдальческой ихъ кончинѣ, къ лику мучениковъ.

Между тѣмъ Новгородцы, не зная еще ничего о случившемся, призвали къ себѣ изъ за моря Варяговъ, для защиты противъ грозившаго имъ Владиміра. Варяги буйствовали, поссорились съ Новгородцами и были многіе побиты горожанами. Ярославъ за это казнилъ многихъ Новгородцевъ; но въ тотъ же день, получивъ извѣстіе о кіевскихъ дѣлахъ, онъ, со слезами раскаянія, просилъ прощенія у оскорбленныхъ Новгородцевъ, и молилъ ихъ пособить ему отмстить Святополку. Новгородцы были такъ

добры, что помирились съ князем своимъ, и выступили, подъ его предводительствомъ, въ походъ противъ свирѣпаго хищника братоубійцы.

Святополкъ нанялъ Печенѣговъ и встрѣтилъ Ярослава близь Любича. Ихъ раздѣляла рѣка. Новгородцы первые бросились въ лодки, напали на враговъ своихъ и разбили ихъ; Святополкъ бѣжалъ въ Польшу, къ тестю своему, королю Болеславу *храброму*. Ярославъ вступилъ въ Кіевъ принять в. княженіе. Но Болеславъ вступился за своего зятя, и пошелъ на Ярослава. При рѣкѣ Бугѣ произошло сраженіе; Ярославъ былъ побѣжденъ и едва спасся отъ плѣна. Въ отчаяніи онъ хотѣлъ бѣжать за море, къ Варягамъ; однако же Новогородцы предложили ему новую помощь свою. Между тѣмъ Болеславъ ввелъ Святополка въ Кіевъ, какъ в. князя и остался у него зимовать, а войска свои разставилъ по окрестностямъ; но Святополкъ вскорѣ замѣтилъ, что тесть его таитъ какіе-то враждебные замыслы противъ свободы Кіева. Онъ велѣлъ тайно убивать Поляковъ; Болеславъ узналъ о злодѣйской хитрости, и удалился въ Польшу, грозя мщеніемъ.

При наступленіи весны, Ярославъ опять поднялся на Святополка. На

рѣкѣ Альтѣ, гдѣ зарѣзанъ былъ Борисъ, сошлись враги. Ярославъ молился предъ битвой: *Господи! на мѣстѣ, гдѣ пролита кровь несчастнаго брата моего, отмсти убійцѣ его, порази Каина.* Завязалась ожесточенная битва. Она была долго нерѣшительна. Наконецъ Святополкъ принужденъ былъ уступить. Тогда онъ не зналъ, куда дѣваться: тестя своего тоже опасался, онъ и устремился въ Богемію. Дорогой разнемогся Святополкъ. Разгоряченное воображеніе пугало его, ему все чудилась погоня. — Такъ скитался онъ нѣсколько времени, въ полусумасшествіи, по Богемскимъ пустынямъ—и умеръ, отверженный всѣми, съ прозваніемъ *окаяннаго.*

Великій князь Ярославъ.

Ярославъ думалъ княжить спокойно; случилось противное, явился новый непріятель ему — то былъ братъ его *Мстиславъ Тмутараканскій*, князь могущественный и отважный. Онъ дорушилъ царство Хазаровъ, по просьбѣ Грековъ, и услышавъ, что Ярославъ соединилъ подъ власть свою всѣ удѣлы Русскіе, поднялся на него. Ярославъ уѣхалъ въ Новгородъ, собралъ Варяговъ и близъ *Листвена* сошелся съ Мстиславомъ. Битва произошла ночью, во время страшной грозы. Лѣтописцы говорили: *На небѣ блистала молнія, на землѣ мечи.* Мстиславъ побѣдилъ, но не кичился своею побѣдою, и требовалъ только раздѣла владѣній. Назначили границею Днѣпръ: правая сторона его принадлежала Ярославу, лѣвая — Мстиславу. Но послѣдній скоро умеръ. Былъ еще одинъ братъ у Ярослава,

Судиславъ, безъудѣльный. Ярославъ заключилъ его въ темницу и остался единственнымъ обладателемъ Руси.

Онъ отразилъ набѣги Ятвяговъ, и такъ поразилъ Печенѣговъ, что они съ тѣхъ поръ стали уже не опасными врагами Россіи. Долго сохранялся миръ съ Греками; но въ это время въ Царьградѣ убили одного русскаго гостя, и Греки не хотѣли сдѣлать удовлетворенія. Владиміръ, старшій сынъ Ярослава, пошелъ на Грековъ. Походъ былъ неудаченъ: буря разбила флотилію Русскихъ; Владиміръ на оставшихся ладьяхъ возвратился въ Кіевъ; воевода его, Вышата, остался на сухомъ пути; его взяли въ плѣнъ со всею дружиною, и всѣмъ выкололи глаза. Однако, въ послѣдствіи времени, Ярославъ получилъ удовлетвореніе отъ Грековъ и не мстилъ имъ. Этотъ походъ Русскихъ на Грековъ былъ послѣдній.

Ярославъ построилъ въ Кіевѣ великолѣпный храмъ во имя Св. Софіи. При немъ основались на Руси первые монастыри, и въ числѣ ихъ Кіевопечерская лавра, Святымъ Антоніемъ. Ярославъ, по необыкновенной набожности, велѣлъ вырыть изъ могилъ кости дядей своихъ, Олега и Ярополка,

и окрестить ихъ. Великій Князь былъ уже старъ; сынъ его Владиміръ умеръ; но у него оставалось еще пять сыновей, изъ которыхъ старшему, *Изяславу*, отдалъ онъ Кіевъ, а прочимъ роздалъ также удѣлы, но завѣщалъ сыновьямъ своимъ питать уваженіе къ кіевскому князю и считать его повелителемъ своимъ. Князья присягнули ему въ исполненіи завѣщанія. Новгородъ почти не вошелъ въ раздѣлъ. Ярославъ, помня услуги Новгородцевъ, оказанныя ему въ войнѣ его съ Святополкомъ, далъ имъ особенныя льготы, которыми они пользовались долго.

По смерти Ярослава, тѣло его похоронили въ Софійской церкви. Мраморная гробница его сохранилась и донынѣ. Памятникъ царствованія Ярослава — изданные имъ законы, подъ названіемъ *Русской Правды*. Они были составлены по законамъ варяжскимъ, гдѣ являются поединки, извѣстные подъ именемъ: *суда Божьяго,* и *виры,* т. е. денежныя пени. Конечно эти законы были недостаточные и суевѣрные (*), за то они были *первые положительные* въ землѣ Русской.

(*) На пр. кто на поединкѣ одерживалъ побѣду, тотъ почитался правымъ; также если преступникъ вынималъ руку изъ кипятка невредимою, тоже признавался невиннымъ, ибо это былъ *судъ Божій*.

Въ княженіе Ярослава Русское государство было такъ возвеличено и прославлено, что иностранные государи искали союзовъ съ домомъ Кіевскаго князя: три дочери его были въ замужствѣ за королями Норвежскимъ, Французскимъ и Венгерскимъ; сыновья его были женаты на иностранныхъ принцессахъ.

Великій князь Изяславъ.

Въ продолженіи 10-ти лѣтъ дѣти Ярослава сохраняли завѣтъ отца, жили дружно. Въ это время появляются новые враги Россіи — Половцы. Гнѣздилища всѣхъ варваровъ была средняя часть Азіи; Половцы пришли оттуда же, разсѣяли остатки Печенѣговъ, и сами поселились на ихъ мѣстахъ. Полчища ихъ были многочисленны какъ лѣсъ дремучій, сказано въ лѣтописи. Съ тѣхъ поръ они болѣе 200 лѣтъ нападали на Россію. Изяславъ былъ князь слабый, но честолюбивый. Когда Половцы напали на Русь, Изяславъ не умѣлъ ни защититься, ни самъ напасть на нихъ, чтобы отогнать ихъ отъ границъ Руси. Кіевляне взбунтовались противъ него; онъ бѣжалъ къ Полякамъ, и съ помощію ихъ овладѣлъ Кіевомъ. Вскорѣ послѣ того братья Изяслава, Святополкъ Черниговскій и Всеволодъ Пе-

реяславскій напали на него. Всѣхъ манило тогда къ себѣ *великое княжество,* и отсюда-то начинается рядъ междоусобій, продолжавшихся нѣсколько столѣтій. Изяславъ опять бѣжалъ къ Польскому королю Болеславу 2-му, но не нашелъ у него помощи; почему искалъ заступничества въ Германіи, у императора Генриха IV, и когда здѣсь не получилъ онъ желаемаго, то обратился къ папѣ Григорію VII, который почиталъ себя владыкою всѣхъ земныхъ царей. Папа принялъ участіе въ русскомъ князѣ; но обстоятельства Изяслава измѣнились: Святославъ, завладѣвшій Кіевомъ, умеръ, а Всеволодъ примирился съ Изяславомъ. Хотя же *Олегъ*, сынъ Святослава, нанялъ Половцевъ и вооружился противъ дядей своихъ; Всеволодъ и Изяславъ выступили противъ него союзно, бились долго, братья побѣдили, но Изяславъ палъ въ битвѣ при Черниговѣ. Тѣло Великаго князя привезли въ Кіевъ. Лѣтописецъ говоритъ, что при похоронахъ Изяслава, вопль народный заглушалъ св. пѣніе. При слабости своего характера, Изяславъ былъ кротокъ, добръ и правосуденъ. Въ его княженіе родился преподобный Несторъ, первый русскій лѣтописецъ.

НАСЛѢДНИКИ ИЗЯСЛАВА,

ДО

ВЛАДИМІРА МОНОМАХА.

Тогда старшій въ родѣ имѣлъ право наслѣдовать престолъ. Хотя у Изяслава былъ сынъ *Святополкъ*; но старшій въ родѣ былъ Всеволодъ; онъ и вступилъ на престолъ кіевской. Этотъ князь былъ миролюбивый, и недальновидный; но судьба наградила его доблестными дѣтьми. Повѣствуютъ, что дочь его Анна, образованная не по своему вѣку, завела въ Кіевѣ первое училище для дѣвицъ, гдѣ преимущественно занимали ихъ рукодѣліемъ; а сынъ Всеволода, Владиміръ, прозванный въ послѣдствіи *Мономахомъ*, правилъ Государствомъ, сражался за отца, и сохранялъ

цѣлость русской державы. Тогда обрушились на Россію новыя бѣдствія: голодъ, засуха и моръ. Суевѣрные разсказывали, будто съ небесъ падали огненныя змѣи. Среди такихъ бѣдствій Всеволодъ умеръ. *Мономахъ*, по любви къ нему народа, могъ бы вступить на престолъ великокняжескій; но, по старшинству, занялъ его сынъ Изяслава *Святополкъ* II.

Смуты, обуревавшія Россію, не кончились и при Святополкѣ. Половцы раззоряли области Россіи; къ нимъ присоединился и Олегъ, сынъ Святослава Черниговскаго. Тогда, по совѣту Мономаха, удѣльные князья съѣхались въ Любечь, для совѣщанія объ общихъ дѣлахъ, и для заключенія общаго союза противъ нарушителей мира. *Да будетъ Русская земля общимъ отечествомъ нашимъ!* порѣшили князья и разъѣхались. Но вскорѣ послѣ того, внукъ Ярослава 1-го, Давидъ Игоревичь Волынскій, (*) овладѣвъ Василькомъ Ростиславичемъ, княземъ Теребовльскимъ, въ Кіевѣ, когда онъ заѣхалъ туда помолиться Святымъ угодникамъ, изъ личной ненависти къ нему, и съ согласія великаго князя Святополка, выкололъ ему глаза.

(*) Отъ пяти сыновей Ярослава размножились удѣльные князья по всей Россіи.

Несчастный Василько, пришедши въ чувство, ощупалъ на себѣ другую одежду и вскричалъ: *Зачѣмъ сняли съ меня окровавленную рубашку, въ ней хотѣлъ предстать я на судъ Божій!* Прочіе князья, узнавъ объ этомъ, ужаснулись: *не въ одного Василько, а во всѣхъ насъ вонзенъ ножъ!* сказали они и пошли на Кіевъ. Митрополитъ Кіевскій и вдовствующая супруга Всеволода, своимъ посредничествомъ, успѣли отвесть грозу, хотя на время. Святополкъ, положивъ руку на Евангеліе, клялся въ своей невинности; но долженъ былъ идти на Давида. Давидъ бѣжалъ въ Польшу; Святополкъ занялъ удѣлъ его. Послѣ того Мономахъ пошелъ на Половцевъ, и такъ разбилъ ихъ, что съ тѣхъ поръ они раздѣлились на нѣсколько мелкихъ владѣній, и вмѣсто ихъ, въ исторіи остались: Торки, Берендеи, Черные Клобуки и пр. Между тѣмъ, Святославъ умеръ, и на престолъ великокняжескій возшелъ Мономахъ въ преклонныхъ уже лѣтахъ. По старшинству рода, в. княжество принадлежало Олегу; но онъ не смѣлъ состязаться съ Мономахомъ.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Этотъ замѣчательный князь явилъ себя сколько грознымъ противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, столько кроткимъ и человѣколюбивымъ къ своимъ подданнымъ. Онъ утвердилъ в. княжество въ своемъ родѣ. Сына своего Мстислава объявилъ онъ старшимъ наслѣдникомъ; другому отдалъ Смоленскъ; третьему, Георгію, прозванному *Долгорукимъ* (Георгій долгая рука, потому что онъ любилъ присвоивать чужое) Суздальскую область. Владиміръ Мономахъ основалъ тамъ городъ *Владиміръ* на Клязьмѣ, во имя своего прадѣда. Суздальская область состояла изъ городовъ: *Владиміра*, *Суздаля*, *Мурома*, *Ростова*, и въ скоромъ времени сдѣлалась она сильнѣйшею изъ всѣхъ русскихъ княжествъ. Мономахъ былъ грозою не только Половцевъ и всѣхъ родичей своихъ, но и отдѣльнаго

Новгорода. Онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ власть почти надъ всею Русью, почти повсюду владѣли дѣти и внуки его. Пишутъ, что императоръ греческій, Алексѣй Комнинъ, искалъ дружбы Мономаха, и прислалъ ему въ подарокъ регаліи императора Константина Мономаха, дѣда Владиміровa по матери: вѣнецъ, или корону, златую цѣпь, чашу сердоликовую, бармы (оплечья) и что будто митрополитъ греческій, *Неофитъ*, вѣнчалъ его, въ Кіевѣ, этимъ вѣнцемъ, и провозгласилъ *царемъ*. Этѣ регаліи хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ. Мономахъ, по гречески, значитъ единоборецъ.

Владиміръ умеръ въ глубокой старости; тѣло его, орошенное слезами дѣтей и подданныхъ, погребено въ кіевскомъ Софійскомъ храмѣ. Памятникомъ рѣдкихъ свойствъ души его осталось *поученіе*, писанное имъ самимъ, для дѣтей, въ которомъ онъ внушалъ имъ имѣть страхъ Божій, любить ближнихъ и соблюдать правосудіе.

НАСЛѢДНИКИ ВЛАДИМІРА МОНОМАХА,

ДО

АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО

Владиміру Мономаху наслѣдовалъ сынъ его Мстиславъ. Онъ былъ также храбрый и мужественный государь, неоднократно поражалъ Половцевъ, одерживалъ побѣды надъ Чудью и Литовцами; но нарушилъ право старшинства рода, назначивъ своимъ наслѣдникомъ не одного изъ братьевъ своихъ, а сына своего Ярополка. Этимъ назначеніемъ болѣе всѣхъ недовольными были: братъ его Георгій Долгорукій и сынъ Олега Черниговскаго Всеволодъ. Отсюда проистекла кровавая вражда между Мономаховичами и Ольговичами, терзавшая Россію слишкомъ сто лѣтъ. Въ продолженіе

этого времени вступали на престолъ то Ольговичи, то Мономаховичи. Отъ междоусобій Россія слабѣла, и, такимъ образомъ, приготовила себя въ добычу страшнымъ завоевателямъ.

Ярополкъ вступилъ на престолъ по кончинѣ Мстислава, князь добродушный, но слабый. При немъ удѣльные князья ссорились еще болѣе, и изгоняли другъ друга изъ удѣловъ. Новгородъ также своевольствовалъ; тамъ находился князь Всеволодъ, сынъ Мстислава. Вече (народное собраніе) отрѣшило его, и признало княземъ своимъ Святослава Ольговича. Всеволодъ удалился въ Псковъ; псковитяне приняли его, и съ того времени Псковъ отдѣлился отъ Новгорода. Новгородцы, подъ предводительствомъ Святослава, напали на Псковитянъ, но Псковитяне удачно отразили ихъ. И Святослава Новгородцы изгнали, и избрали себѣ въ князья одного изъ Мономаховичей, сына Георгія Долгорукаго. Всеволодъ же Мстиславовичь, кротостію и благочестіемъ своимъ пріобрѣлъ себѣ не только любовь Псковитянъ; но и по смерти своей, былъ причисленъ къ лику Святыхъ. Гробница съ мощами его находится въ Псковѣ. При ней лежитъ и мечь

его, съ надписью: Honorem meum nemini dabo (*Чести моей никому не отдамъ*).

По смерти Ярополка, братъ его, Вячеславъ Переяславскій, готовился вступить на кіевскій престолъ; но Всеволодъ Ольговичъ предупредилъ его. Вспыхнула междоусобная война, во время которой является сильнымъ и опаснымъ, для Кіева, княжество Галицкое, увеличенное завоеваніями князя Владимірко. — Великій князь Всеволодъ вскорѣ умеръ; великокняжескій престолъ достался брату его Игорю Ольговичу.

Болѣе всѣхъ имѣлъ притязаніе на великокняжескій престолъ изъ рода Мономаховичей Изяславъ Мстиславовичъ. Игорь не княжилъ и шести недѣль; Изяславъ, подкупивъ Ольговичей разными посулами, согналъ его съ престола, и предложилъ ему на выборъ—вѣчную тюрьму, или монастырь. Добродушный Игорь избралъ послѣднее; его постригли. Но за него вступился братъ его, Святославъ, бывшій князь Новгорода, и заключилъ союзъ съ врагомъ дома своего, съ Мономаховичемъ Георгіемъ Долгорукимъ. Свиданіе этихъ князей замѣчательно тѣмъ, что оно происходило въ *Москвѣ*,

о которой въ первый разъ упоминается въ лѣтописи. Москва была тогда бѣдное селеніе *Кучково* и принадлежало къ Суздальской области. Преданіе говоритъ, будто Георгій Долгорукій убилъ владѣтеля Москвы, боярина Кучку, отнялъ у него это селеніе, основалъ въ немъ городокъ, и потомъ, чтобъ помириться съ родственниками убитаго, женилъ сына своего Андрея на дочери Кучки. Это было въ 1147-мъ году (основаніе Москвы).

Изяславъ, распоряжаясь в. княжествомъ, обдѣлилъ своихъ родственниковъ; они за то отпали отъ него. Разгнѣванный Изяславъ произвелъ въ Кіевѣ общее возстаніе на Ольговичей. Кіевляне привыкли болѣе къ Мономаховичамъ; они толпами прибѣжали къ монастырю, гдѣ заключенъ былъ одинъ изъ Ольговичей, Игорь, схватили его и поволокли по улицамъ. Митрополітъ удерживалъ бѣснующихся; самъ Игорь говорилъ: *вспомните: я былъ князь вашъ;* но Кіевляне не внимали никому. Съ Игоря сорвали рясу. *Нагъ пришелъ въ міръ, нагъ иду изъ него!* возгласилъ несчастный Игорь, и его не стало. Убійцы, терзаемые совѣстію, раскаялись, но поздно. Игоря схоронили съ честію. Онъ причтенъ къ лику Святыхъ.

Провидѣніе наказало Изяслава: дядя его, Георгій Долгорукій, согналъ его съ престола. Изяславъ, въ отмщеніе Георгію, передалъ право свое на престолъ старшему дядѣ своему, *Вячеславу*, брату Георгія. Началась опять война, въ которой отличился храбростію сынъ Георгія, *Андрей*. Онъ въ тѣснотѣ битвы сломалъ копье, и однимъ мечемъ отбивался отъ враговъ. Добрый конь едва вынесъ его изъ битвы, и палъ отъ ранъ; Андрей похоронилъ его съ почестію. Георгій принужденъ былъ уступить престолъ брату; за то ему назначили другой удѣлъ; но Георгій хитрилъ и производилъ смуты между князьями. Къ нему присоединился и Владимірко, князь Галицкій, измѣнившій Изяславу. Когда послы Изяслава упрекали Владимірко въ измѣнѣ, и напоминали ему, что онъ клялся св. крестомъ дружить ихъ князю, Владимірко отвѣчалъ: *тотъ крестъ былъ малъ.—Но велика сила его,* возразили послы, *она накажетъ тебя.* Въ тотъ же день Владимірко, идя отъ вечерни, палъ мертвымъ.

Между тѣмъ Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Изяслава подкрѣп-

лялъ Король Венгерскій Гейза II. Къ счастію Россіи, оба соперника, Изяславъ и Георгій, скончались.

Георгію обязана Восточная Россія первоначальнымъ своимъ образованіемъ. Онъ распространилъ въ ней Христіанскую вѣру, и основалъ города: *Переславль Залѣсскій, Юрьевъ, Москву.* Но онъ не имѣлъ добродѣтелей своего отца, Мономаха, и Кіевляне не любили его. Даже тѣло его погребли не въ Кіевѣ, но внѣ онаго, въ Берестовской области.

По смерти Георгія, вступилъ на престолъ *Изяславъ Давыдовичь,* князь Черниговскій; но Ярославъ, сынъ Владимірка Галицкаго, и Мстиславъ, сынъ Изяслава, согнали его съ престола, и объявили великимъ княземъ старшаго въ родѣ, *Ростислава Смоленскаго.*

Андрей Боголюбскій.

Между тѣмъ Андрей Георгіевичь, сынъ Долгорукаго, видя въ Южной Россіи однѣ только крамолы, еще при жизни отца своего, удалился изъ Вышгорода, въ основанный имъ городъ *Боголюбовъ* (близь Владиміра, на берегахъ Клязьмы). По смерти же отца, онъ не хотѣлъ спорить за великое княжество, и занялся украшеніемъ роднаго своего города, Владиміра, разными зданіями, Императоръ Фридрихъ I, прислалъ къ нему зодчихъ для сооруженія церкви Богоматери. Владиміръ перевезъ въ него чудотворную икону, писанную Св. Евангелистомъ Лукою. Инокъ Кіевопечерской лавры, *Св. Алимпій,* почитается древнѣйшимъ нашимъ живописцемъ. Подъ умнымъ правленіемъ Андрея княжество Суздальское, или Владимірское, превзошло Кіевское княжество, и стало именоваться великимъ. Его дружина получила

наименованіе Двора и раздѣлилась на копейщиковъ и стрѣлковъ. Въ его время и Новгородцы прославили себя побѣдами надъ Шведами. Они вошли въ знаменитый торговый Ганзейскій союзъ (Нѣмец. городовъ). Новгородъ былъ не только членомъ, но и казначеемъ союза. При всемъ томъ Новгородцы признали надъ собой власть Боголюбскаго. Андрей всячески стремился къ единодержавію: онъ ни братьямъ, ни сыновьямъ своимъ не давалъ удѣловъ, и даже изгналъ братьевъ своихъ въ Грецію. Послѣ того онъ обратилъ оружіе свое противъ сосѣдей — Болгаръ, и овладѣлъ главнымъ городомъ ихъ, *Бряхимовымъ*. Въ память этого событія онъ установилъ, во славу иконы Владимірской Божіей Матери, празднество, совершаемое нашею Церковію и донынѣ.

Ростиславу Кіевскому, умершему среди смятеній и кровопролитія, наслѣдовалъ племянникъ его Мстиславъ, Волынскій. Онъ уговорилъ Новгородцевъ принять къ себѣ въ князья сына своего, Романа, и хотѣлъ взять первенство надъ Андреемъ. Тогда Боголюбскій пригласилъ всѣхъ Ольговичей и Владиміровичей, наказать дерзкаго Мстислава. Одиннадцять союз-

ныхъ князей осадили Кіевъ, подъ предводительствомъ Мстислава, сына Андреева. Чрезъ два дни Кіевъ былъ взятъ и разграбленъ; даже храмы Божіи не были пощажены. Съ того времени слава Кіева навсегда упала. Андрей объявилъ себя *Вел. Княземъ*, Владиміръ, столицею Россіи; въ Кіевѣ посадилъ брата своего Глѣба, и назвалъ этотъ городъ *удѣльнымъ*.

Послѣ этого происшествія Андрей, вздумалъ наказать и Новгородцевъ за то, что они приняли къ себѣ сына Мстиславова, Романа. Покоритель Кіева, Мстиславъ Андреевичь, пошелъ войною на Новгородъ; всѣ окрестности его были тотчасъ разорены. Новогородцы защищались упорно; однако же ихъ почитали уже погибшими, и только благочестивый архіепископъ Илія спасъ ихъ, вынесши торжественно, на крѣпостную Новгородскую стѣну, икону Знаменія Богоматери. Новгородцы ободрились, съ новыми силами ударили на осаждавшихъ, сбили ихъ съ мѣста и погнали....

Новгородцы помирились съ Андреемъ и приняли къ себѣ сына его. Между тѣмъ благонравный Глѣбъ Кіевскій умеръ, мѣсто его заступилъ Владиміръ Дорогобужскій, по смерти котораго, взошелъ на кіевскій пре-

столъ Романъ Смоленскій. Изъ рода Ростиславичей, князей Смоленскихъ, былъ замѣчателенъ *Мстиславъ храбрый*, хотя младшій, но уважаемый всѣми старшими южными князьями. Мстиславъ возвелъ и Романа на кіевскій престолъ; но Андрей послалъ туда брата своего, Михаила. Мстиславъ выгналъ его; Андрей позвалъ Мстислава къ себѣ на судъ; но Мстиславъ выстригъ бороду Андрееву послу, и велѣлъ сказать Андрею, что князь не рабъ суздальскаго властителя. Андрей послалъ на него сильное войско; но ему измѣнили союзные князья, и Мстиславъ побѣдилъ. Вскорѣ, однакоже, они помирились, и Мстиславъ изъявилъ Андрею, какъ дядѣ своему, покорность и повиновеніе. Вскорѣ послѣ того, Андрея измѣннически убили родственники его, Кучковичи. Они ворвались ночью въ спальню его, зарѣзали в. князя, и выбросили тѣло его на огородъ. Народъ оплакивалъ его. Андрей похороненъ во Владимірѣ, въ Златоверхой тамошней церкви. Исторія наименовала Боголюбскаго, по уму его, *вторымъ Соломономъ*, а Церковь пріобщила его къ лику Святыхъ.

НАСЛѢДНИКИ БОГОЛЮБСКАГО,

ДО

ГЕОРГІЯ II.

По смерти Боголюбскаго, вступилъ, ненадолго, на престолъ великокняжескій, кроткій братъ его, Михаилъ; а по смерти его, послѣ нѣсколькихъ кровавыхъ междоусобій, другой братъ Боголюбскаго, Всеволодъ III. Въ это время дѣйствовалъ, доблестнѣе всѣхъ, Мстиславъ храбрый. Его упросили Новгородцы защитить ихъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Мстиславъ повелъ дружины ихъ за Нарову, усмирилъ Сухонцевъ и Латышей, но вдругъ заболѣлъ. Народъ молился за него; но Мстиславъ скон-

чался, препоручивъ дѣтей своихъ покровительству Новгорода. Не одинъ Новгородъ, а всѣ Русскія земли, лишились многаго смертію благороднаго и храбраго Мстислава. Здѣсь кстати замѣтить, что происходило въ это время на Сѣверѣ и Западѣ Россіи. Тамъ, въ лѣсистой и болотистой странѣ, усилилась *Литва*, народъ бѣдный, платившій дань великимъ князьямъ лыками и вѣниками. Литовцы, мало по малу, начали соединяться въ большія толпы, и дѣлали набѣги на Полоцкъ и Псковъ. Въ то же время, на берегахъ Балтійскаго, моря появились новые сосѣди—Крестоносцы или Меченосцы, рыцари, которыхъ Русскіе звали *божьими дворянами*. Они, по усердію, съ благословенія папы, пришли сюда обращать язычниковъ въ Христіанскую вѣру крестомъ и мечемъ; завладѣли всею Лифляндіею или Ливоніею, и заложили городъ *Ригу*. На Половцевъ же въ это время ходили Русскіе князья, какъ на охоту, и въ это время южные князья одержали надъ ними блестящую побѣду. Храбрый Игорь, князь Сѣверскій, не участвуя въ этомъ славномъ походѣ, пошелъ на Половцевъ особо; но былъ разбитъ ими и взятъ въ плѣнъ, изъ котораго, однакоже, успѣлъ убѣжать.

Этотъ походъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ былъ описанъ въ старинномъ русскомъ сочиненіи, подъ названіемъ *Слово о полку Игоревомъ*.

Въ это же время возрасло княжество Галицкое, подъ правленіемъ Ярослава Владимірковича, и сдѣлалось опаснымъ сосѣдомъ Кіеву. Всеволодъ III занялся дѣлами Новгорода. Онъ думалъ, что пора уже усмирить его; но въ то время подросъ уже сынъ Мстислава храбраго, *Мстиславъ удалой*, явился въ Новгородъ и сказалъ: *кланяюсь гробу Св. Софіи и предлагаю Новгороду руку и голову мою.* Новгородцы съ восторгомъ приняли его. Всеволодъ не хотѣлъ ссориться съ нимъ и примирился съ Новгородомъ. Послѣ того Мстиславъ отразилъ рыцарей отъ Новгородской области, и пошелъ успокоивать южную Россію. Между тѣмъ Всеволодъ Георгіевичь, прокняживъ слишкомъ 30 лѣтъ, умеръ. У него было 8 сыновей, и потому названъ онъ былъ *великое гнѣздо*. За нимъ, послѣ нѣсколькихъ споровъ, вступаетъ на престолъ Георгій II. Онъ соединился съ зятемъ Мстислава, Ярославомъ, и также хотѣлъ притѣснить Новгородъ; но Мстиславъ, какъ ангелъ хранитель его, поспѣлъ опять къ нему на помощь.

Битва между Новгородцами и Владимірцами была жестокая; Новгородцы дрались безъ верхней одежды. Мстиславъ, съ сѣкирою въ рукахъ, бросался повсюду: *потягнемъ, не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ Богъ!* гремѣлъ звучный голосъ его.—Наконецъ Новгородцы побѣдили. Послѣ того Мстиславъ побѣдилъ еще Венгерцевъ, покушавшихся на свободу Галича. Не только Новгородцы, но и всѣ Русскіе, звали удалаго Мстислава своимъ *краснымъ солнышкомъ*. Во Владимірѣ же, в. князь Георгій, принужденъ былъ уступить престолъ брату своему, Константину, а по кончинѣ его, опять наименовался в. княземъ. Онъ, на устьѣ Оки, для безопасности восточныхъ предѣловъ Россіи, основалъ *Нижній Новгородъ*.

Въ это время пронеслась вѣсть, что гдѣ-то, очень далеко, за Волгою, появился многочисленный, страшный народъ, *Татары*, что они свирѣпствуютъ и идутъ по землѣ, какъ огнь палящій. Вскорѣ появились внутрь Россіи, испуганные и разбитые ими, Половцы, искавшіе себѣ убѣжища. Они возвѣстили о приближеніи этого народа къ Русскимъ областямъ. Вся надежда была на Мстислава; къ нему присоединились другіе князья; но онъ

не дожидаясь Суздальцевъ, пошелъ на встрѣчу невѣдомому народу. Наконецъ у рѣки *Калки*, которая впадаетъ въ Азовское море, сошлась Русская дружина съ дикими полчищами Татаръ. Половцы, бывшіе впереди, дрогнули, побѣжали и смяли Русскихъ, — тогда въ первый разъ былъ побѣжденъ Мстиславъ!

Послѣ Татары напали и на кіевскаго князя Мстислава, побѣдили его и мучительски истязали плѣнныхъ. — Затрепетала Русская земля; — но вдругъ Татары поворотили назадъ и скрылись за Волгою. — Прошло 12 лѣтъ, и объ нихъ не слышно было ничего. Кровь высохла, разоренные города выстроились,—и опять начались междоусобія.... Провидѣніе, появленіемъ Татаръ, какъ бы хотѣло дать Русскимъ урокъ и наказать за ихъ распри. Но когда прошла гроза, опять все пошло по прежнему.

ВТОРОЕ НАШЕСТВІЕ ТАТАРЪ.

Въ 1236 году Татары опять напали на Россію, подъ предводительствомъ Батыя, внука Чингисъ-Хана.

Войско Русское было истреблено, и Татары свирѣпствовали въ нашемъ беззащитномъ отечествѣ, какъ лютые звѣри. Они раззорили Рязань, сожгли Москву и Владиміръ. Россія похожа стала на обширное пожарище. Тяжело было дышать; не видно было солнца отъ дыма; надъ землей висѣло кровавое зарево; земля отсырѣла отъ крови; кровь текла въ рѣкахъ вмѣсто воды; тысячи тысячь труповъ валялись непогребенными, ихъ глодали хищные звѣри; псы и волки приходили, изъ своихъ логовищъ, и пировали на обширномъ побоищѣ. — Такъ говорятъ лѣтописцы о тогдашнемъ состояніи Россіи.

Великій князь Владимірскій, Георгій, собралъ было войско, и сразился съ Татарами; но его взяли въ плѣнъ и замучили до смерти; а князя Василька ужасно истязали и тиранили. Церковь причла его къ лику святыхъ мучениковъ. Всѣхъ, кто могъ противиться Татарамъ, убивали; беззащитныхъ женщинъ уводили въ позорный плѣнъ, а младенцы умирали съ голоду, оторванные отъ груди своихъ матерей и кормилицъ. Такимъ образомъ Татары прошли почти черезъ всю Россію, и ничто не могло имъ противиться, выключая одного города Козельска, который долго выдерживалъ всѣ ихъ усилія. Въ немъ, говорятъ, столько было пролито крови, что малолѣтный тамошній князь, Василій, захлебнулся въ ней. *Козельскъ* названъ отъ Татаръ *злымъ* городомъ.

Новгородцы были въ то время народъ богатый, гордый и сильный. Новгородъ былъ окруженъ въ то время дебрями страшными, лѣсами дремучими и болотами непроходимыми. Говорятъ, что Татары испугались этого и воротились, не дошедши 200 верстъ до Новгорода. Впрочемъ нов-

(*) Есть еще преданіе, что Татары испугались видѣнія на Новгородской дорогѣ.

городцы присылали имъ свою дань, чрезъ московскихъ князей. Наконецъ Батый упился кровью русскою, пересталъ, или, лучше сказать, усталъ злодѣйствовать, и ушелъ обратно на югъ, оставивши въ Россіи скорбь, трупы и развалины. Уныло бродили люди Русскіе по раззоренной землѣ своей, и съ грустію смотрѣли на дымящіяся развалины, на гніющіе трупы собратій. Въ то время княжилъ, въ Кіевѣ, князь Ярославъ. Горько было смотрѣть ему на ужасную картину своего отечества. Онъ назвалъ себя великимъ княземъ и началъ, по немногу, приводить все въ порядокъ: поправлять раззоренные города, хоронить мертвыя тѣла и успокоивать и ободрять унылый духъ своихъ подданныхъ. Но время спасенія было еще далеко: долго Русскіе должны были нести тяжелый крестъ свой, и испить до дна горькую чашу бѣдствія.

НАЧАЛО ТАТАРСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА.

Вмѣсто того, чтобы соединиться, и дружно, общими силами, ударить на сильнаго врага, князья Русскіе стали, еще больше, ссориться, и когда в. князь выѣхалъ изъ Кіева, чтобы возобновить раззоренные города и селенія, въ Кіевъ пріѣхалъ князь Черниговскій, Михаилъ, и завладѣлъ престоломъ Ярослава; другіе князья начали спорить за другіе города; пошли опять страшные смуты и безпорядки! Узнавши объ этомъ, Татары опять ворвались въ русскія владѣнія; разграбили, раззорили и сожгли еще нѣсколько уцѣлѣвшихъ городовъ; опять рѣзали, мучили, терзали бѣдныхъ жителей, рылись даже въ могилахъ богатыхъ людей, какъ шакалы, думая, не найдутъ ли и тамъ добычи. Стерши, почти, съ лица земли царство Рус-

ское, Татары опять ушли въ свои логовища, на берега Волги, къ Каспійскому морю.

Батый построилъ себѣ, на берегахъ Волги, городъ *Сарай*. Владѣніе его называлось *Золотою Ордою*, оттого, что шатеръ хана былъ украшенъ золотой маковкой.

Батый объявилъ землю Русскую своей плѣнницей, и потребовалъ, чтобы князья Русскіе ходили къ нему на поклонъ и платили ему дань. Первый отправился къ нему Ярославъ. Ханъ былъ доволенъ этимъ, и сдѣлалъ его главнымъ княземъ надъ всѣми князьями. Послѣ того въ Россію стали наѣзжать татарскіе чиновники, или такъ называемые *численики*, и брали съ нея дань, а князья, какъ рабы, начали ходить на поклонъ къ Батыю, и такимъ образомъ началось страшное иго татарское, которое, около 200 лѣтъ, тяготѣло надъ порабощенною Россіею.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

Ярославъ умеръ. Русскія владѣнія были раздѣлены между его дѣтьми. Ханъ утвердилъ великимъ княземъ всей Россіи брата Ярославова Святослава.

Въ Новгородѣ княжилъ сынъ Ярослава—Александръ. Мудро правилъ онъ Новгородцами. Шведы, собравши сильное войско, явились на берегахъ Невы; но Александръ разбилъ Шведское войско. И теперь еще между Шведами ходитъ преданіе, что во время этой битвы явился Архангелъ, на бѣломъ конѣ, возлѣ великаго князя, и собственною рукою поражалъ Шведовъ; а исторія назвала Александра за эту побѣду надъ Шведами, *Невскимъ*.

Послѣ того герой Невскій нѣсколько разъ еще дрался съ сильными тогда Ливонскими рыцарями. Одно изъ этѣхъ сраженій было очень замѣ-

чательно; оно происходило, зимой на льдахъ Чудскаго озера, и поэтому названо *ледовымъ побоищемъ*. Александръ всегда оставался побѣдителемъ. Но не смотря на свою силу и могущество, онъ былъ такъ кротокъ, что когда Батый потребовалъ отъ него дани и покорности, онъ пошелъ, въ Орду на поклонъ къ хану. Покорность героя польстила хану; онъ полюбилъ его, почувствовалъ къ нему уваженіе и сдѣлалъ его великимъ княземъ всей Россіи. И хорошо было Россіи подъ его мудрымъ и кроткимъ правленіемъ. Онъ защищалъ свое отечество, отстаивалъ грудью бѣдный народъ свой, и успокоилъ его.

БИТВА В. К. АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО СО ШВЕДАМИ

МОСКОВСКІЕ КНЯЗЬЯ.

По кончинѣ Невскаго, великимъ княземъ утвержденъ былъ Ярославъ Ярославовичь Тверской. Послѣ него княжилъ сынъ Невскаго, Димитрій, потомъ Андрей, Городецкій. Князья ссорились, враждовали другъ противъ друга при ханскомъ дворѣ, приводя другъ противъ друга войско татарское, которое жестоко грабило и опустошало Россію. Но и между Татарами начались междоусобія — вѣрный признакъ скорой гибели ихъ.

На Руси были тогда два замѣчательныхъ князя: Даніилъ (*) Московскій и Михаилъ Тверской, умный, храбрый, твердый. Еслибъ Михаилъ

(*) Даніилъ былъ добрый князь и причисленъ къ лику Святыхъ. Мощи его находятся въ Москвѣ, въ Даниловскомъ монастырѣ. Онъ имѣлъ двухъ сыновей: Іоанна, прозваннаго Калитою, и Георгія. — Даніилъ приготовилъ Москву- свой удѣлъ—быть столицею.

остался одинъ великимъ княземъ Русскимъ, можетъ быть, онъ успѣлъ бы свергнуть иго татарское; но у него былъ врагъ сильный и хитрый—Георгій, сынъ Московскаго князя Даніила, которому также хотѣлось быть главнымъ надъ всѣми князьями Русскими, и потому между этими двумя князьями начались ссоры. Они ѣздили, безпрестанно, въ Орду судиться другъ съ другомъ; но какъ Георгій былъ хитрѣе Михаила Тверскаго, и не такъ благороденъ, какъ послѣдній, то и успѣлъ скорѣй пріобрѣсть себѣ милость хана. Онъ женился на его родственницѣ, Кипчакѣ, выпросилъ себѣ у хана войско и пошелъ войною на Михаила. Князь Тверской встрѣтилъ войско хана въ 40 верстахъ отъ Твери, разбилъ его на голову и взялъ въ плѣнъ воеводу ханскаго и Кипчаку, жену Георгія. Ханъ потребовалъ его на судъ, на кровавый судъ! Если я не пойду, подумалъ добрый князь — опять придетъ войско татарское, и опять начнемъ мучить и терзать бѣдную Россію. Пусть будетъ воля Божія! пострадаю лучше одинъ.... можетъ быть, этимъ спасу мою родину. Подумалъ, помолился Богу, взялъ благословленіе у своей княгини—матери, и пошелъ на вѣрную, мученическую смерть.

Не ошибся князь; ужасное положеніе ожидало его въ Ордѣ: заковали его въ колодки, морили голодомъ въ душной темницѣ, таскали нагаго по улицамъ и базарамъ, били, жгли, мучили, и наконецъ замучили до смерти въ ужасной томительной и долгой пыткѣ. Сильно страшно пострадалъ великій мученикъ, но за то смертью своею искупилъ родину: ханъ не тронулъ Россіи. Церковь причислила Михаила къ лику Святыхъ, и мощи его, нѣкогда бывшія въ Москвѣ, почиваютъ теперь въ Твери, въ Преображенскомъ соборѣ.

Георгій остался великимъ княземъ Русскимъ! Но покойный Михаилъ оставилъ послѣ себя троихъ сыновей—троихъ мстителей за свою страдальческую кончину. Старшій назывался *Димитрій грозныя очи*. Однажды онъ встрѣтился съ врагомъ своимъ, Георгіемъ, у хана; мщеніе ужасное закипѣло въ душѣ его; тѣнь отца предстала его воображенію, истерзанная, окровавленная.... онъ не выдержалъ, выхватилъ мечъ и пронзилъ Георгія. Ханъ велѣлъ казнить Димитрія.

Великое княжество получилъ Іоаннъ Калита, братъ убитаго Георгія. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что перенесъ столицу изъ Владиміра въ Москву,

въ 1328 году, гдѣ она и осталась навсегда. Іоаннъ достигъ, своею хитрою политикою, до того, что сдѣлался почти единодержавнымъ княземъ Русскимъ; особенно съ того времени, когда, происками его, былъ убитъ въ Ордѣ другой сынъ Михаила Тверскаго, Александръ, котораго,по сказанію въ лѣтописи, съ юнымъ сыномъ его Ѳеодоромъ, розняли по частямъ. Это происшествіе лежитъ чернымъ пятномъ на памяти Іоанна.

Объ основаніи Москвы есть баснословное преданіе: будто в. к. Даніилъ поѣхалъ, съ какимъ-то колдуномъ, въ лѣсъ, на берега нынѣшней Москвы рѣки, отыскивать мѣсто, удобное для построенія города, и вдругъ увидѣлъ предъ собой красиваго, трехглаваго змѣя. Колдунъ предсказалъ ему, что на этомъ мѣстѣ будетъ сильное и красивое царство.

Обзоръ России послѣ нашествій Татарскихъ.

Долго Москва боролась съ Тверью; наконецъ князья Московскіе побѣдили: Москва сдѣлалась столицею великаго княжества Россійскаго; Іоаннъ Даниловичъ Калита сталъ единодержавнымъ княземъ; всѣ другіе, какъ-то князья Тверской, Ярославскій, Рязанскій, Смоленскій и пр., были подвластны ему. Россія, по прежнему, продолжала платить дань Татарамъ.

По Дону и Днѣпру кочевали орды татарскія; а недалеко, съ другой стороны, были сосѣди еще безпокойнѣе — это Литовцы и Поляки. Тѣ и другіе дѣлали безпрестанные набѣги на Кіевъ, на Черниговъ, Волынь и пр. грабили, опустошали, брали тяжкую дань, уводили жителей въ позорный плѣнъ. Города эти переходили, безпрестанно, отъ Татаръ къ Литовцамъ,

отъ нихъ опять къ Татарамъ, и наконецъ остались за Литовцами, такъ, что въ послѣдствіи тамъ властвовали Литовскіе князья.

Новгородъ и Псковъ были счастливѣе, особливо Новгородъ. Купцы новгородскіе были такъ богаты, что цѣлая Европа ихъ знала и чествовала. Лавки ихъ были наполнены парчами золотыми, тканями шелковыми и всякими рѣдкостями заморскими. Новгородцы увѣренность въ своей силѣ и могуществѣ, даже выразили пословицей «*Кто противъ Бога и великаго Новгорода!*»

Спокойствіе Новгорода и Пскова возмущалось только незначительными войнами съ такъ называемыми Храмовыми Рыцарями. Князья Новгородскіе, хотя и были въ зависимости у князя Московскаго, но не уважали его власти; объ игѣ Татарскомъ они знали только по слухамъ.

ІОАННЪ КАЛИТА И НАСЛѢДНИКИ ЕГО.

Іоаннъ Даниловичъ прозванъ былъ *Калитою* потому, что имѣлъ привычку носить съ собою сумку, или калиту по тогдашнему нарѣчію, въ которой у него лежали мелкія деньги. Въ извѣстные часы онъ ходилъ по Москвѣ и раздавалъ ихъ бѣднымъ. Калита былъ очень умный князь; онъ хорошо понималъ, что Россія только общими силами можетъ свергнуть съ себя иго татарское. Въ Ордѣ, между Татарами, все болѣе и болѣе происходили междоусобія и безпорядки.

Св. Петръ митрополитъ перенесъ также духовный престолъ свой изъ

Владиміра въ Москву. Кромѣ его, явились въ Россіи еще два великіе Святые мужа, которые много помогали Россіи, своими заступными молитвами предъ Богомъ, и вдохновенными совѣтами князьямъ нашимъ. — Это были: Св. Алексѣй митрополитъ, котораго мощи почиваютъ теперь въ Чудовомъ момонастырѣ (*) и Преподобный Сергій, Радонежскій чудотворецъ. Россія начала уже менѣе бояться хановъ Золотой Орды.

Послѣ Калиты, великокняжескій престолъ достался сыну его Симеону Іоанновичу, прозванному *Гордымъ*, за самоуправство его съ удѣльными князьями. Онъ, съ честью продолжалъ и поддерживалъ всѣ мудрыя начинанія умнаго отца своего; но въ его княженіе постигъ Россію страшный моръ, названный *черною смертью*, отъ которой умерло безчетное множество народу, и даже самъ великій князь сдѣлался жертвою ея.

Братъ Симеона, Іоаннъ Іоанновичъ, вступилъ на престолъ. Онъ хотя и

(*) Его уважали и Татары. Св. Алексѣй митрополитъ изцѣлилъ жену хана Ганибека, Тайдулу, отъ слѣпоты, однѣми святыми молитвами своими.

былъ слабъ, но за него бодрствовалъ великій государственный мужъ, митрополитъ Алексѣй. Этотъ святитель и Св. Сергій помогали ему молитвами своими. Москва укрѣплялась, мужала, и руки ея поднимались уже, чтобы взойти на плеча враговъ своихъ, по пророчеству Петра митрополита.

В. К. ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

Когда Димитрій Іоанновичъ, по смерти отца своего, сдѣлался великимъ княземъ, тогда запала ему на сердце дума крѣпкая, сбросить позорное иго Татарское.

Въ Ордѣ явился тогда человѣкъ, по имени Мамай. Онъ не былъ ханомъ, но простымъ полководцемъ; не смотря на то, человѣкъ этотъ пріобрѣлъ себѣ такую власть, что и самые ханы боялись его. Великій князь поссорился съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ; Михаилъ обратился къ Татарамъ; пришло татарское войско и великій князь разбилъ его, прогналъ и уничтожилъ. Ханъ смолчалъ. Потомъ Татары обидѣли чѣмъ-то тестя великаго князя, князя Нижегородскаго; Димитрій вступился

за него, послалъ дружину и еще разъ разбилъ войско Татарское. Тогда свирѣпый Мамай поклялся не оставить въ Россіи камня на камнѣ. Собралъ онъ войско несмѣтное и двинулся на Москву. Надѣясь на себя и на храбрость русскую, Димитрій еще болѣе надѣялся на Бога. Поѣхалъ онъ къ преподобному Сергію, посовѣтоваться о своемъ великомъ предпріятіи и попросить его благословенія на роковой подвигъ. Святой Сергій благословилъ его, благословилъ все воинство русское, предсказалъ побѣду и совѣтовалъ не щадить живота своего на защиту отечества. Отпуская отъ себя великаго князя, онъ далъ ему двухъ иноковъ, *Пересвѣта* и *Ославю*, которые были когда-то сильными и могучими витязями, страшными врагамъ на полѣ ратномъ. Они надѣли, подъ свои монашескія рясы, тяжелые боевые доспѣхи и пошли сражаться съ Татарами.

Мамаево побоище.

Положеніе великаго князя было опасно: началъ онъ приглашать удѣльныхъ князей, чтобы они участвовали въ святомъ дѣлѣ освобожденія отечества.... но не многіе рѣшились на это, одни изъ страха, другіе изъ вражды къ Москвѣ. Мало того — Рязанскій князь измѣнилъ отечеству и готовился соединиться съ Мамаемъ; Литовцы, всегдашніе заклятые враги наши, также шли на помощь къ Мамаю, съ княземъ своимъ Ягайлой. Но великій князь уже рѣшился — собралъ храбрыя дружины Московскія; пошелъ на встрѣчу Мамаю и сталъ лагеремъ на берегахъ рѣки Непрядвы, впадающей въ Донъ (въ Тульской губерніи). На другой день конный отрядъ, посланный для развѣдыванія о непріятелѣ, донесъ, что Татары близко и что ихъ

много, какъ песку на днѣ морскомъ. Дрогнули сердца русскія, призадумался и самъ великій князь. Вдругъ является монахъ и подаетъ князю письмо отъ Преподобнаго Сергія, гдѣ были начертаны только три слова: *мужайся, князь великій!* — Между тѣмъ войско Мамая приближалось. Оно было дѣйствительно многочисленно; но сердце Димитрія было преисполнено надеждою на Провидѣніе. «Съ нами Богъ! впередъ, друзья и братья!» вскрикнулъ великій князь. Два войска ринулись другъ на друга и началась сѣча лютая, неслыханная (*); кровью взмокло обширное поле Куликовское; бѣшеные кони скакали не по полю, а по мертвымъ тѣламъ. Храбро сражались Русскіе; но Татаръ было больше въ десятеро; Мамай началъ одолѣвать.... два Татарскіе богатыря, несясь впереди своего войска, поселяли смерть и ужасъ въ русскихъ рядахъ. Русскіе дрогнули!.. Вдругъ видятъ они: два монаха стремятся прямо на исполиновъ татарскихъ; изъ подъ черныхъ ихъ мантій блестятъ булатныя латы, въ рукахъ сверкаютъ тяжелые

(*) Въ день Рождества Богоматери 8 Сентября 1380 года.

мечи. Съѣхались четыре витязя и на нѣсколько минутъ оцѣпенѣла грозная сѣча. Всѣ притаили дыханіе.... Ждутъ чѣмъ кончится.... И вдругъ они всѣ четверо упали мертвые! Вновь закипѣла страшная битва. Великій князь въ доспѣхѣ простаго воина бился храбро, съ переднимъ рядомъ богатырей своихъ.... Но Татары опять начали одолѣвать.... Тогда родственникъ Димитрія Іоанновича, князь Владиміръ Андреевичъ, предводительствовавшій засаднымъ войскомъ, ударилъ съ тылу на Татаръ и это рѣшило участь сраженія. Татары смѣшались, побѣжали.... Мамай стоялъ въ это время одаль, на возвышеніи, и когда увидѣлъ, что войско его разбито, онъ въ отчаяніи ломалъ себѣ руки, рвалъ на себѣ волосы и проклиналъ всѣхъ окружавшихъ его... наконецъ воскликнулъ: Великъ Русскій Богъ!—и ударился бѣжать. Долго Русское войско преслѣдовало Мамая; било, рѣзало Татаръ. Много легло Русскихъ на полѣ Куликовскомъ; но сколько было убито Татаръ, и сосчитать не возможно.

Гдѣ же великій князь? говорили воеводы русскіе, возвратясь на поле сраженія и не видя великаго князя. Это навело грусть на цѣлое войско;

БИТВА КУЛИКОВСКАЯ.

начали искать его и наконецъ нашли въ лѣсу, подъ деревомъ, всего израненнаго. Радуйся, батюшка, князь великій! закричали всѣ въ одинъ голосъ, побѣда твоя!—Немного поганыхъ Ордынцевъ унесло отсюда свои головы!» Не смотря на тяжкія свои раны, великій князь отслужилъ благодарственный молебенъ Богу Вышнему; ѣздилъ по табору и лично благодарилъ воиновъ. Не одна Россія дивилась великому дѣлу Куликовскому. Чудные слухи ходили въ народѣ объ этомъ побоищѣ: говорили, что наканунѣ сраженія, черный воронъ вился надъ ордами татарскими и каркалъ могильнымъ голосомъ; а надъ русскимъ лагеремъ носились лучезарные Ангелы и держали надъ воинами вѣнцы изъ цвѣтовъ невѣдомыхъ, и во всю ночь слышалась въ выси небесная гармонія.

Благодарные подданные назвали Димитрія Іоанновича, за эту побѣду, *Донскимъ*.

Послѣдствія Мамаева побоища.

Торжественно возвращалось въ Москву побѣдоносное Русское воинство, радостными кликами встрѣчалъ народъ увѣнчаннаго побѣдителя; а Мамай спѣшно утекалъ во свояси. Долго ни одна шапка татарская не являлась на улицахъ русскихъ городовъ. Еслибъ Димитрій былъ такой же политикъ, какой былъ воинъ, еслибъ онъ имѣлъ столько же твердой воли, сколько храбрости въ битвахъ: то послѣ битвы Куликовской Россія сбросила бы съ себя тяжелыя цѣпи рабства!... Вмѣсто того, чтобъ упрочить успѣхъ свой дѣятельностію политическою, Донской, въ полномъ смыслѣ слова, опочилъ на лаврахъ—онъ не видалъ и не слыхалъ, что вокругъ его дѣлалось.

Въ Ордѣ боролись два сильныхъ, свирѣпыхъ Татарина: Мамай и Тох-

тамышъ, боролись на смерть, за власть, за ханство. Димитрій смотрѣлъ равнодушно.... Тохтамышъ поборолъ, вышвырнулъ Мамая изъ Орды—и грозный, дерзкій посолъ хана явился къ донскому герою за постыдною данью. Димитрій выгналъ посла ханскаго, на угрозы отвѣчалъ презрѣніемъ, и потомъ, убаюканный славною побѣдой, снова заснулъ на своихъ лаврахъ. . . . Поздно проснулся неосторожный князь: свирѣпый Тохтамышъ съ сильнымъ войскомъ, стоялъ уже у стѣнъ Кремля. Не льзя было бороться: войско не готово, князья измѣнили.... и Димитрій отправился изъ своей столицы въ Кострому, какъ говоритъ лѣтописецъ, собирать войско. Снова гнѣвъ небесный прогремѣлъ надъ бѣдною Россіею. Когда великій князь возвратился, вмѣсто Москвы, нашелъ онъ дымящіяся головни, и вмѣсто жителей—тридцать тысячь труповъ. Все великое княжество Московское было вызжено.

Горькая необходимость! опять послали дань Татарскому хану... опять великій князь преклонилъ свою славную голову передъ гордымъ магометаниномъ.

Какъ-бы то ни было, имя Донскаго всегда будетъ славно въ нашей исторіи. Донской занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ лѣтописяхъ военной русской славы; онъ доказалъ своимъ преемникамъ, что остеръ мечъ русскій, что Татары побѣждены, и что безъ измѣны и предательства не лежало бы на Руси клеймо татарскаго владычества.

Димитрій Донской умеръ 40 лѣтъ отъ роду; Св. Сергій принялъ послѣдній вздохъ его; великимъ княземъ Русскимъ сталъ юный сынъ его Василій Дмитріевичъ.

НАСЛѢДНИКЪ ДИМИТРІЯ ДОНСКАГО.

Между тѣмъ въ Ордѣ, ничтожный хромой Татаринъ Тимуръ, собралъ шайку разбойниковъ и началъ грабить сосѣднія области. Прошло немного лѣтъ и изъ этого хромаго Татарина—разбойника образовалось чудовище. Онъ, въ короткое время, завоевалъ Персію, Египетъ, Китай; взглянулъ на Россію и ошалѣлъ отъ удивленія, увидѣвъ, что ею владѣетъ двойникъ его, Тохтамышъ, такой же лютый звѣрь, какъ и самъ онъ. Два Татарина съ яростію бросились другъ на друга: на берегахъ Каспійскаго моря произошла страшная битва; Тохтамышъ былъ разбитъ и бѣжалъ изъ Орды. Тимуръ чуть-чуть не съ милліономъ войска двинулся на Россію.

Не льзя было и думать одолѣть побѣдителя Тохтамыша. В. к. Васи-

лій собралъ дружину и пошелъ на встрѣчу Тимуру, безъ всякой надежды на побѣду, но чтобъ умереть, по крайней мѣрѣ, не постыдною смертію. Москва ждала гибели... Оставалось одно прибѣжище — Богъ! Къ нему и прибѣгли. . . . Принесли изъ Владиміра, въ Москву, чудотворную икону Божіей Матери; народъ встрѣтилъ ее какъ надежную заступницу, повергся въ прахъ и усердно молилъ о спасеніи бѣдной родины... И совершились дивныя необъяснимыя чудеса: Тимуръ вдругъ, безъ всякой причины, оборотилъ назадъ свои полчища и ушелъ изъ Россіи. Мѣсто, гдѣ народъ встрѣтилъ чудотворную икону, называется *Срѣтенкою*; тамъ въ память этого случая, выстроенъ Срѣтенскій монастырь. Икона Владимірской Божіей Матери находится въ Успенскомъ Соборѣ.

Между тѣмъ Тимуръ ушелъ въ Индію, оттуда въ Персію, покорилъ ихъ; пошелъ на Турцію, взялъ въ плѣнъ сильнаго тогда султана Баязета, посадилъ его въ желѣзную клѣтку и возилъ съ собою какъ рѣдкаго звѣря для забавы. Отдохнулъ великій князь; со стороны Татаръ опасаться было нечего; съ другими безпокойными сосѣдями онъ жилъ мирно, женив-

шись на дочери Литовскаго князя Витовта; только незначительныя ссоры съ Новгородцами нарушали общую тишину.

Василій былъ въ отца, мужественный, добрый и умный. Татары не смѣли отваживаться на явную борьбу, пустились на хитрости: однажды, зимой, въ страшныя вьюги и морозы трескучіе — татарскій ханъ Эдигей явился съ войскомъ возлѣ Москвы; Русскіе не ожидали Татаръ, князь поѣхалъ собирать войско, а Татары между тѣмъ сожгли, разграбили Москву, перерѣзали жителей, опустошили множество другихъ городовъ, и, обремененные добычею, ушли въ Орду.

Княживши еще 17 лѣтъ, Василій умеръ; великокняжескій престолъ доставался сыну его Василью Васильевичу.

ВАСИЛІЙ ТЕМНЫЙ И ПОСЛѢДНЯЯ УДѢЛЬНАЯ БОРЬБА.

Василій объявленъ великимъ княземъ; дядя его Юрій, младшій сынъ Донскаго, возсталъ противъ этого избранія и объявилъ свои притязанія по старшинству рода, оба ѣдутъ они въ хану судиться;—дѣло рѣшено въ пользу Василія. Такимъ рѣшеніемъ Василій одолженъ боярину своему Іоанну, и за это обѣщалъ жениться на его дочери; но не исполнилъ своего обѣщанія. Іоаннъ оскорбился, бѣжалъ къ Юрію и уговорилъ его идти войною на Василія. Юрій разбилъ войска московскія, выгналъ Василія изъ столицы, а самъ сдѣлался великимъ княземъ. Участь Василія Васильевича, по видимому, была рѣшена; но дѣти Юрія чѣмъ-то прогнѣвали отца; онъ ихъ прогналъ, проклялъ, призвалъ Василія и опять отдалъ ему великое

княжество. Вмѣсто благодарноссти, Василій началъ войну съ Юріемъ, но былъ вторично разбитъ сыновьями его и вторично лишенъ великаго княжества. Между тѣмъ Юрій умеръ; сынъ его Василій Косой завладѣлъ престоломъ; другой сынъ его, Шемяка, вознегодовалъ на брата и помогъ Василію отнять Москву у Косаго. Василій, въ другой разъ, остался неблагодарнымъ: обманомъ велѣлъ было схватить Шемяку и посадить въ темницу; а брату его Косому вырѣзали глаза.

Орда, раздѣлившись, постепенно ослабѣвала; ханы едва держались на своихъ престолахъ; Русскіе уже не боялись своихъ властителей; изрѣдка только слабые отряды татарскіе приходили въ Россію и грабили беззащитныя селенія.

Новгородъ процвѣталъ по прежнему и былъ какъ бѣльмо на глазу у московскаго князя, у Литовцевъ и у Ливонскихъ рыцарей; всѣмъ, въ свою очередь, хотѣлось завладѣть богатою добычею.

Ненависть и чувство мщенія противъ Василія запали въ душу Шемяки. Случай помогъ ему въ его предпріятіи: Василій, отправляясь однажды, съ

небольшою дружиною, противъ отряда татарскаго, былъ взятъ въ плѣнъ; Шемяка завладѣлъ Москвою. Узнавъ, что Василій возвращается изъ плѣна и остановился въ Троицкой лаврѣ, онъ схватилъ его измѣннически и приказалъ выколоть ему глаза, какъ нѣкогда было сдѣлано съ его братомъ Василіемъ Косымъ.

Василій страдаетъ; Шемяка великій князь. Это былъ человѣкъ, являвшій собою смѣсь добрыхъ и дурныхъ качествъ: онъ былъ храбръ безъ мужества, добръ до слабости, строгъ до ожесточенія, опрометчивъ, непостояненъ, гордъ. Все это ожесточило противъ него, и народъ и подвластныхъ князей. Съ помощію ихъ Василій, въ четвертый разъ, завладѣлъ Москвою, выгналъ Шемяку, преслѣдовалъ его неотступно и наконецъ отравилъ его, съ помощію своихъ агентовъ. (*) Это было послѣднее междоусобіе. Полагаютъ, съ того времени, появилось у насъ и огнестрѣльное оружіе. Царственный слѣпецъ княжитъ въ Россіи; исторія говоритъ, что съ

(*) Качества его извѣстны по преданію о Шемякиномъ судѣ.

потерею зрѣнія прозрѣли его умственныя очи. Въ теченіи 10 лѣтъ мудро правилъ онъ Россіею и крѣпко держалъ бразды правленія.

Все вниманіе обратилъ онъ на свое отечество: билъ татарскіе отряды, врывавшіеся, по временамъ, въ его владѣнія; опутывалъ своею политикою Новгородъ и равнодушно смотрѣлъ на разрушеніе Греческой имперіи, которое совершилось въ его княженіе. По причинѣ потери зрѣнія, исторія назвала Василія Васильевича *Темнымъ*. Со смертію его оканчивается третій періодъ Русской исторіи. Россія перестаетъ называться княжествомъ и скоро полѣ того принимаетъ уже названіе царства.

Кровь и пожаръ — вотъ постоянная картина Россіи въ продолженіе двухъ вѣковъ; свистъ вражьихъ стрѣлъ, блескъ татарскихъ ятагановъ, стоны и вопли несчастныхъ, которыхъ грабили и убивали, вотъ отголосокъ этихъ двухъ вѣковъ. Злые, свирѣпые сосѣди — Рыцари, Поляки, Шведы, Татары рвутъ по частямъ члены изнемогшей Россіи—этого скованнаго великана; гидра междоусобія клюетъ благородное сердце ея. И это длилось въ продолженіи двухъ вѣковъ! Но умилостивился Богъ! Испытанная горь-

кимъ опытомъ, перезженная пламенемъ пожаровъ, Россія, какъ фениксъ, поднялась изъ пепла, стряхнула съ себя постыдныя цѣпи, размахнула мощными крыльями и наступила пятою на низверженныхъ враговъ. И посмотрите какъ теперь, гордо, подняла она свою величественную голову, сіяющую ореоломъ славы! И кто изъ насъ теперь; взглянувъ на Россію, на эту дивную, исполинскую нашу родину, не скажетъ: «Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся—яко съ нами Богъ.»

